

*В.М. Рыбаков**

Танские законы о реагировании общества и государства на криминал

АННОТАЦИЯ: В статье на материале китайских источников времени правления Танской династии подробно рассмотрены и проанализированы требования административного и уголовного права к действиям населения и гражданской администрации в случаях совершения правонарушений. Особое внимание уделено регулированию прохождения сообщений от населения властям о творящихся беззакониях, допустимым мерам самостоятельного противодействия преступникам со стороны населения, организации преследования и поимки беглых нарушителей закона и пресечению неправомерных или неадекватных действий представителей правоохранительных органов в ходе такой поимки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционный Китай, государство и право, борьба с правонарушениями, чиновничество, административное право, уголовное право.

Не секрет, что состояние дел в правоприменительной сфере является одной из самых заметных лакмусовых бумажек, способных нагляднейшим образом свидетельствовать как о состоянии дел в обществе, так и, что ещё более важно, о его перспективах.

Способы борьбы с преступностью могут служить весьма яркими и точными характеристиками представлений о справедливости, сформировавшихся и бытующих в данной культуре. Сами эти представления, как правило, носят достаточно расплывчатый, аморфный,

* Рыбаков Вячеслав Михайлович, д.и.н., в.н.с. отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru

абстрактный характер. По теоретическим рассуждениям о справедливости как таковой трудно представить, в каких конкретных социальных механизмах и индивидуальных действиях она могла бы быть воплощена. Но обобщённые морализаторские рассуждения говорят много меньше, чем уже откристаллизовавшиеся в социуме нормы, являющиеся предельно конкретными, можно сказать — материальными воплощениями идеальных представлений. Кажущиеся в данном обществе естественными и практически безальтернативными, устоявшиеся и не вызывающие протеста ни у правых, ни у виноватых нормы реагирования простого люда и государственных структур на криминальные события имеют ярко выраженный культурологический аспект. А потому порой они способны, пусть и в косвенной форме, поведать о пропитавших данную культуру представлениях о человеке и отношениях между людьми куда больше, чем специально посвящённые этой проблематике трактаты.

Возбуждение дела

Исходные коллизии

Довольно трудно сказать, насколько в танское время обширна была нормативная база, посвящённая начальным стадиям уголовных расследований и, в частности, розыскным мероприятиям. В сборнике сохранившихся общеобязательных установлений, составленном Ниидой Нобору, в разделе «Общеобязательные установления о задержании беглых» (*буван лин* 捕亡令), то, как надо совершать розыск и поимку, описывают лишь считанные фрагменты, да и те в основном взяты как раз из танского уголовного кодекса *Тан люй шу* и, поскольку не сохранились более нигде.

Из одного из этих *линов* мы можем узнать следующие подробности:

Всякий раз, когда арестант (*цзо* 囚), воин-призывник (*чжэньжэнь* 征人), боец пограничной стражи (*фанжэнь* 防人), ссыльный (*люжэнь* 流人) или высланный из волости [за проступок] (*исяньжэнь* 移鄉人) совершили побег или вознамерились вступить (*юй жу* 欲入) в разбойники, через ближайшее официальное учреждение (*гуаньсы* 官司) подаётся заявление (*де* 牒). Тогда те, в чьём ведении [находится] местожительство семьи переселённого или беглого (*и ван чжэ чжи цзя цзюй со шу* 移亡者之家居所屬), а также ближайшие к месту побега округ и уезд [организуют] преследование и поимку. По месту получения доноса (*чэн гао чжи чу* 承告之處) [отправляют] вниз в волость (*сян* 鄉), село (*ли* 里), деревню (*цунь* 村) и [пятидворку взаимной] ответственности, [в которую входит семья беглеца] (*бао* 保), приказ о расследовании и задержании. Если не [удалось] сразу схватить, обращаются [в учреждение, в чьём] ведении изначально нахо-

дился [беглец] (*ян бэньшю* 仰本屬) и [согласно находящимся в распоряжении этого учреждения сведениям] составляют документ с [описанием] возраста и внешних примет, по которому [беглеца] можно было бы опознать, и пересылают в контрольный отдел (*бибу* 比部) [Судебной части] для неременного (*це* 切) [осуществления] расследования и задержания. В день поимки пересылают [пойманного беглеца] в соответствующее учреждение (*бэньсы* 本司)¹ для вынесения приговора. Оттуда, где он был упущен (*ши* 失) и оттуда, где он был пойман, направляют [донесения] в Правительствующий надзор (*шаниушэн* 尚書省). Если ловили 3 года и не схватили, [поиски] прекращают [Ниидэ Нобору, 1964, с. 728].

По поводу же преступлений иных, нежели просто побег с того места, где данному лицу в данное время полагалось находиться, сказано следующее:

Всякий раз, когда имели место хищение или разбой (*дао цзэй* 盜賊), нанесение [кому-либо] телесного повреждения или убийство (*шан ша* 傷殺), об этом немедленно доносят ближайшему ответственному официальному лицу (*гуаньсы* 官司) деревни (*цунь* 村), квартала (*фан* 坊), земледельческого поселения (*тунь* 屯) или почтовой станции (*и* 驛). По месту получения доноса отряжают ближайших армейских военнослужащих (*цзюньжэнь* 軍人) и совершеннолетних тяглых (*фу* 夫), чтобы, [начав] от места, где преступление открылось (*цун фа чу* 從發處), преследовать и схватить [преступника] [Там же, с. 729].

То есть исходной точкой организации преследования или розыска могла послужить любая ближайшая официальная инстанция, вплоть до почтовой станции; в некоторых местностях их начальники были единственными представителями государства. К преследованию и поимке привлекались как военные ближайших гарнизонов, так и гражданские податные взрослые мужчины из окрестных населённых пунктов, а то и, если преступление было совершено в городе, того квартала, где было обнаружено злодеяние.

Особые процедуры, как это, собственно, бывает всегда и везде, предусматривались для ситуаций, когда донос подавался о каком-либо «секретном» деле (*гао ми* 告密)². Прежде всего тут имелись в виду, конечно, антигосударственные преступления.

Всякий раз, когда человек доносит о секретном [деле], донос всегда проходит через старшего чиновника (*чжангуань* 長官) данного места (*чу* 處). Если старший чиновник занят, донос проходит че-

¹ То есть в то учреждение, в ведении которого он находился в момент побега — по месту приписки, либо по месту работ или службы.

² Подробнее о делах, относящихся к гостайне, и об её охране см.: [Рыбаков, 2016].

рез непосредственно подчинённого начальнику чиновника (*цзогуань* 佐官). Всякий раз, когда старший чиновник и непосредственно подчинённый ему чиновник оба осведомлены о секретном [деле], они направляют обвинительные сообщения (*луньгао* 論告) в соседние инстанции. Если необходимо произвести внезапные аресты, то полагается, взаимно обмениваясь сведениями с остальными [причастными] округами (*юй чжоу* 餘州), повсеместно в соответствии с обстоятельствами произвести задержания. Если дело квалифицируется как умысел измены или тяжелее, [с гонцом] на почтовых подаётся докладная записка (*цзоувэнь* 奏聞). Если, донося об умысле измены или тяжелее, [доноситель] не соглашается говорить о сути дела, его на почтовых под контролем препровождают (*цзи булин сун* 給驛部領送) в столицу. Арестанты, совершившие наказуемые смертной казнью преступления, бойцы пограничной стражи из окраинных округов и гарнизонов, равно как люди, совершившие преступления, наказуемые ссылкой, если доносят о тайных [делах], не входят в [число] тех, кого отправляют [в столицу] [Ниидэ Нобору, 1964, с. 778].

Посвящённые той же тематике и принадлежащие той же эпохе японские общеобязательные установления (*рё* 令) сохранились в большем объёме, и фактически они, насколько позволяют это оценить те танские *лины*, что доступны современному исследователю, являются почти полными копиями, повторами, аналогами общеобязательных установлений династии Тан [Тайхорё, 1985, т. 2, с. 122–127]. Из них мы можем выяснить и с достаточной степенью вероятности перенести эти сведения и на танский Китай, что, например, если преступник жил в одной провинции, а убийство или грабёж совершил на территории другой, погоню и задержание должны были вести власти обеих провинций (то есть применительно к Китаю — округов *чжоу* 州). Или, если для осуществления поимки группы разбойников в данной провинции не хватало воинских сил, то провинция обязана была уведомить власти соседней провинции и проводить операцию по поимке совместно с ними.

За потерпевшими признавалась невозбранная возможность самим инициировать расследование и разбирательство. Семья, если кто-то из членов её оказался жертвой убийства или ограбления, а также если что-то из её имущества оказалось украдено, была обязана обратиться в вышестоящие инстанции с доносом (*гао* 告). Аналогичная обязанность возлагалась и на главу (*баочжан* 保長) той пятидворки взаимной ответственности, к которой данная семья принадлежала³. В данном случае под вышестоящими инстанциями имелись

³ «Сто дворов — село. Пять сёл — волость... Четыре семьи — соседи. Пять семей — [пятидворка взаимной] ответственности. В пятидворке име-

в виду неофициальные власти, стоявшие непосредственно над семьями и пятидворками: сельские (*личжэн* 里正), деревенские (*цуньчжэн* 村正) либо квартальные (*фанчжэн* 坊正) исправники. Если данная семья и вообще члены всей данной пятидворки были стары и слабы настолько, что сами не могли подать донос, либо там просто не было мужчин старше 16 лет (закон обязан предусматривать и достаточно маловероятные обстоятельства, чтобы не оставалось лазеек для уклонения от его исполнения), то инициатива вменялась в обязанность ближайшей соседней пятидворке. А уж местное нечиновное начальство двигало дело дальше по инстанциям и сообщало о произошедшем в ближайшую государственную инстанцию [Тан люй, ст. 360; Уголовные установления Тан, 2005, с. 298–299].

Не очень понятно, как трактовать исходную коллизию. В указанной статье *Тай люй шу* и говорится: *чжу цяндао цзи ша жэнь цзэй фа* 諸強盜及殺人賊發. Трудно понять эту фразу иначе, как «Когда произошли грабёж или убийство человека, и злодей был раскрыт...». Это же описание стартовой ситуации повторено в разъяснении к статье с добавлением иероглифа *и* 以: *цзи и ша жэнь цзэй фа* 及以殺人賊發. У. Джонсон, правда, более нейтрально перевёл эту фразу применительно к основному тексту статьи как «In all cases where robbery by force or of killing is discovered», то есть «Во всех случаях, когда обнаруживается [факт] грабежа или убийства», а часть разъяснения, где фраза повторена с модификацией, оставил без перевода [The T'ang Code, 1997, p. 416]. Но иероглиф *цзэй* означает, как правило, того, кто совершил преступление, а не само преступление: «вор, разбойник, грабитель, бандит, злодей, преступник...; предатель, изменник, смутьян, враг...; обворовывать..., вредить..., губить, убивать...» [БКРС, 1983–1984, т. 4, с. 235]. К тому же сам факт преступления и так уже обозначен в тексте как *цяндао* и *ша жэнь*. Кроме того, применяемый в статье термин *гао* — донос, который была обязана подать потерпевшая семья, в общем-то подразумевает указание имени человека, совершившего, хотя бы по мнению потерпевших, данное преступление — иначе термин «ложный донос» (*угао* 誣告) не выступал бы в танских законах фактически синонимом «клеветы».

Однако действительно получается некая неувязка: если трактовать *цзэй* как «преступник», потерпевшие могли подать донос только если точно знали или хотя бы подозревали кого-то конкретно, а если

ется старший. [Это для того, чтобы] все они взаимно удерживали друг друга [от дурного] (*бай ху вэй ли у ли вэй сянь... сы цзя вэй линь у цзя вэй бао бао ю чжан и ся цзиньюэ* 百戶為里五里為鄉... 四家為鄰五家為保保有長以相禁約) [Тан лю дянь, цз. 3, разд. *хубу ланчжун*].

о личности убийцы, грабителя или вора у них не было никаких идей — они вроде как и пожаловаться-то не могли. Если же понимать *цзэй* просто как обобщающее обозначение жестокого преступления — то для подачи «сигнала», естественно, достаточно было самого факта: кого-то из нашей семьи убили, ограбили или похитили у нас какое-то имущество, бьём челом, примите меры; даже если имелись какие-то соображения о личности преступника, их излагать не следовало. Разбавлять факты домыслами, как мы увидим чуть позже, законом прямо запрещалось, да и риск самому попасть под следствие, если затем обвинённый упорно не признавал вины, наверняка препятствовал полёту фантазии.

В современном китайском исследовании этот скользкий момент тоже снивелирован: при анализе исходной ситуации *цзэй фа* 賊發 просто заменено на *ань фа* 案發, что тоже весьма расплывчато («открыто уголовное дело», «начато расследование», «обнаружилось преступление», «раскрылось преступление», «вскрылись обстоятельства дела») [Лю Цзюнь-вэнь, 1996, т. 2, с. 1679].

С точки зрения здравого смысла вторая трактовка, то есть отсутствие необходимости указывать вероятного преступника, конечно, выглядит более логичной. Разумеется, ограбленный, скорее всего, мог указать на личность грабителя. А вот убитый — вряд ли, хотя родственники вполне могли что-то видеть, слышать или подозревать, и потому тоже назвать некие имена. Однако сомнительно, чтобы подобное знание могло быть возведено в условие подачи доноса. И, конечно, воровство, то есть по данному в *Тай люй шу* и определению — «тайное взятие» (*цедо* 竊盜), — явно могло быть совершенно неизвестно кем, и даже неизвестно когда; просто, скажем, вдруг обнаружилось, что в чулане или в хозяйственной пристройке чего-то не хватает, а с каких именно пор не хватает (со вчерашнего дня или с прошлого месяца) и кто постарался — представления не имеем: вы — власть, вот вы и разберитесь.

Как обычно, когда законом предоставлялись какие-то возможности, ни о каком «праве» подать донос тут и речи не было — просто так полагалось. Это была социальная обязанность, священный долг, и за его невыполнение предусматривалось наказание. Ровно на том же основании подлежали наказанию и официальные инстанции, получившие донос, но не принявшие по нему надлежащих мер, — это было уже в чистом виде невыполнение служебных обязанностей, должностная недобросовестность, за что нерадивым государственным служащим абсолютно правомерно грозила уголовная ответственность.

Донос об инциденте надлежало подавать незамедлительно. Если кто-либо из членов некоей семьи был убит или подвергся ограб-

лению, то есть отъёму имущества с применением силы или угрозы её применения, а глава семьи и глава пятидворки, в которую данная семья входила, не подавали доноса об этом своему исправнику (сельскому или квартальному), то, как только истекал 1 полный день (сутки) с момента инцидента, и тому, и другому полагалось наказание 60 ударами тяжёлыми палками.

Если получивший донос исправник не передавал его наверх, официальным властям, в течение суток с момента получения ему полагалось уже 80 ударов тяжёлыми палками, а если задержка увеличивалась до 3 суток, то и наказание увеличивалось до 100 ударов. При этом статья подчёркивает: при расчёте срока промедления следует учитывать время, потребное для пересылки доноса в уездный центр соответственно установленным законодательно нормативам движения⁴. Значит, опоздание высчитывалось относительно расчётного времени поступления донесения в надлежащую высшую инстанцию, скажем, на почтовую станцию. Быстрый гонец мог, в таком случае, в той или иной степени компенсировать нерасторопность сельского исправника. Однако при подаче доноса от потерпевших исправнику, фактически — от соседа соседу, внутри деревни или внутри квартала, этот номер, надо полагать, не прошёл бы. Тут сутки были именно сутками с момента инцидента, а не с момента расчётного времени поступления документа адресату.

Если преступление заключалось всего лишь в осуществлённом без применения силы и без возникновения угрозы жизни тайном воровстве, наказания уменьшались на 2 степени⁵, то есть главе семьи и

⁴ «Время, отведённое на путь (*синчэн* 行程), — согласно общеобязательным установлениям, при езде на лошади [полагается преодолевать] 70 *ли* в день, при езде на осле или при ходьбе пешком — 50 *ли*, при езде на повозке — 30 *ли*. Время, [отведённое на путь] по воде, [при движении] по Янцзы, или Хуанхэ, или другим рекам, вниз или вверх по течению, во всех случаях не одинаково. Кроме того, поскольку скорость при езде на повозке, на лошади и при ходьбе человека пешком не одинакова, [в ситуациях] совместного движения всегда [определяют] срок [прибытия], исходя из [скорости самого] медленного [средства передвижения]» [Тан луй, ст. 25; Уголовные установления Тан, 1999, с. 164]. См. также: [Ниидэ Нобору, 1964, с. 602–603].

⁵ Шкала основных наказаний по танскому праву состояла из: пяти разновидностей наказания лёгкими палками (10, 20, 30, 40 и 50 ударов); пяти разновидностей наказания тяжёлыми палками (60, 70, 80, 90 и 100 ударов); пяти разновидностей наказания каторгой (1 год, 1,5, 2, 2,5 и 3 года работ); три разновидности наказания ссылкой (ссылка на 2000, на 2500 и на 3000 *ли*, где *ли* — ок. 560 м); две разновидности наказания смертью (удавление и обез-

главе пятидворки за суточное и более промедление в подаче доноса полагалось 40 ударов лёгкими палками, исправникам за суточное и более промедление — 60 ударов тяжёлыми палками, а за трое суток и более — 80 ударов. Надо думать, тут исходным моментом следовало считать не момент осуществления кражи, а скорее момент её обнаружения. Вряд ли закон мог требовать полной синхронности обоих моментов; тайное взятие по определению могло быть обнаружено хозяином похищенного имущества не сразу.

Официальная инстанция, получившая донос, тоже подлежала наказанию за промедление, однако понятие промедления применительно к государственным органам принципиально менялось. Монополия государства на насилие здесь проявлялась в том, что простолюдины, как рядовые лично свободные, так и их нечиновное местное начальство (главы пятидворок, исправники) могли, за исключением совершенно определённых обстоятельств, только жаловаться государству. А вот учреждение, куда поступил «сигнал» из народа, обязано было незамедлительно отреагировать не просто составлением очередной бумаги, но осуществлением адекватных действий по восстановлению справедливости.

Если ответственные власти (*гуаньсы* 官司) не начали расследования (*цзяньцзяо* 檢校) и не осуществили поимки и задержания (*бучжу* 捕逐), либо отказались и уклонились (*туйби* 推避), за 1 день [задержки] наказание — 1 год каторги. <...> Имеется в виду, что ближайшие ответственные власти, получив донос, не начали расследования и не осуществили поимки и задержания, либо отправили [дело] в ближайший округ (*чжоу* 州), уезд (*сянь* 縣), военный округ (*чжэнь* 鎮), пограничный гарнизон (*шю* 戍), корпус [ополчения] (*фу* 府) или управление (*цзянь* 監), или же отговорились, сославшись на другие дела [Ган люй, ст. 360; Уголовные установления Тан, 2005, с. 299].

Увеличения тяжести наказания соответственно росту срока промедления не предусматривалось: за полные сутки — 1 год каторги, и, скажем, за десять суток, очевидно — тот же 1 год. Закон, казалось, говорил: действовать надо либо немедленно, либо уж как знаете, но пеняйте на себя.

Данное наказание грозило первичной официальной инстанции, если речь шла об убийстве или ограблении. Если донос был о факте всего лишь воровства, наказание и тут уменьшалось на 2 степени, и за первые же полные сутки инертного поведения или увиливания от исполнения обязанностей полагалось 90 ударов тяжёлыми палками.

главливание). Эти наказания группировались по степеням тяжести, которые в основном повторяли разбивку по разновидностям.

Характерная деталь: если имел место умысел совершить убийство, в ходе реализации которого жертве было лишь нанесено телесное повреждение, а равно — если был до смерти убит не лично свободный, а лично зависимый (домашний *буцой*, раб и пр.), действовали нормативы, предусмотренные для воровства: 40 ударов за промедление подачи доноса с самого низа и так далее.

Однако монополия государства на насилие не была бездумно тотальной. Закон, предписывая официальным инстанциям максимальную расторопность, в то же время старался разгрузить их от тех мелочей, с которыми могли справиться и сами подданные. Нечиновным местным жителям предоставлялась возможность самим пресекать творящиеся безобразия, если только преступное действие становилось явным в самый момент совершения и у рядового населения хватало сил и средств для противодействия.

Как всегда, в случаях предоставления нечиновным гражданским лицам той или иной инициативы, не приходится говорить о предоставлении «права» — ибо за неиспользование этого «права», то есть за неисполнение общественного долга, полагалось наказание. Скорее надо говорить о «возможности-обязанности».

Выше уже отмечались особые обязанности по взаимному удержанию друг друга «от дурного», которые возлагались на членов соседских четырёхдворок (*лин* 鄰) и пятидворок взаимной ответственности (*бао* 保). Однако при экстраординарных событиях долг оказания помощи возлагался и на всё село (*ли* 里).

Всякий раз, когда [кого-либо из] соседей или односельчан (*лин* 鄰里) грабят или убивают (*цяндао цзи ша жэнь* 強盜及殺人), тот [сосед или односельчанин], кому было сообщено [о происходящем] и кто не оказал помощи, наказывается 100 ударами тяжёлыми палками. Тот, кто слышал и не оказал помощи, получает наказание, уменьшенное на 1 степень [Тан люй, ст. 456; Уголовные установления Тан, 2008, с. 130].

То есть если кто-то прямо по месту жительства или близ него подвергся грабежу или покушению на убийство, он ли, или кто-то из членов его семьи первым делом должны были постараться сообщить о происходящем ближайшим соседям. Если соседи не откликнулись на призыв о помощи, они (вероятно, речь идёт в первую очередь о главах семей, на которых обычно возлагалась ответственность за поведение всей семьи) подлежали наказанию 100 ударами тяжёлыми палками. Если призыва о помощи не было (понятно, что в экстренных обстоятельствах не всегда можно послать кого-то к соседям), но в то же время происходящее сопровождалось, например, криками, звуками ударов или борьбы, которые были вполне слышны в ближайших

окрестностях, но соседи всё же уклонились от оказания помощи, наказание становилось равным 90 ударам тяжёлыми палками. Косвенная информация о том, что необходима помощь, расценивалась на 1 степень менее вызывающей к действию, нежели прямая.

Могло оказаться так, что соседи были не в состоянии прийти на выручку по объективным причинам — скажем, призыв о помощи или звуки, свидетельствующие о необходимости оказать её, достигли лишь двора, где не было совершеннолетних мужчин. В уголовном кодексе *Тай люй шу и* говорится:

Имеется в виду, что разбойники были сильны, а людей было мало, или что [люди] были стары, малы, истощены или немощны... [Тан люй, ст. 456; Уголовные установления Тан, 2008, с. 131].

Тем не менее, даже эти люди не могли остаться в стороне. Им вменялось в обязанность по крайней мере незамедлительно уведомить о происходящем ближайшую официальную инстанцию. Если это не было сделано, ответственность возлагалась та же, что и за неокказание помощи: 100 ударов тяжёлыми палками, если кто-то из подвергшихся насилию прямо обратился к ним, и 90 ударов тяжёлыми палками, если прямого обращения не было, но звуки происходящего были слышны.

А вот получивший сигнал бедствия, облечённый властью человек, включая квартальных или сельских исправников, начальство почтовых станций или земледельческих поселений, если не принимал немедленных мер к пресечению творящегося в настоящий момент преступления, подлежал наказанию уже 1 годом каторги. Как всегда, когда речь шла о поддержании порядка среди населения, об обеспечении законности, официальные лица несли повышенную ответственность по сравнению с рядовыми простоллюдинами и карались за нерасторопность и неисполнительность строже.

Происходящее безобразия не обязательно должно было быть связано с прямым насилием. Речь могла идти просто о вовремя замеченной в процессе совершения или только что совершённой краже. В этих обстоятельствах члены обворованной семьи также могли обратиться за помощью к соседям, и те обязаны были её каким-то образом оказать — а если не могли этого сделать, то хотя бы немедленно уведомить местные власти. Власти же должны были организовать немедленную поимку вора. Если что-либо из этого не делалось, то есть социальная обязанность по оказанию взаимопомощи не исполнялась, наказание следовало определять уменьшением на 2 степени наказания, полагавшегося бы при данных обстоятельствах в случаях грабежа или покушения на убийство. То есть тот, кто получил призыв о помощи и не помог, подлежал 80 ударам тяжёлыми палками,

тот, кто слышал, что происходит неладное, и не помог — 70 ударами тяжёлыми палками, а официальное лицо, не организовавшее немедленной поимки вора — 90 ударами тяжёлыми палками.

Донос

Оформление доноса

Подаваемый в правительственную инстанцию донос должен был быть конкретен и точен. Доноситель обязан был указывать время совершения преступления, о котором он решил сообщить. Правда, в законе сказано: «год и месяц» (*нянь юэ* 年月) — то есть всё-таки речь, видимо, не шла о необходимости знать и сообщать хронологию злодеяния с точностью хотя бы до суток. Запрещалось высказывать подозрения (*и* 疑), излагать следовало лишь достоверные факты (*шиси* 實事). Доноситель, нарушивший хотя бы одно из этих требований, то есть подавший донос либо без указания срока совершения преступления, либо высказавший лишь предположение, либо разбавивший изложение фактической стороны дела своими домыслами, подлежал наказанию 50 ударами лёгкими палками.

Однако столь лёгкое наказание закон сулил недобросовестному донositелю только если его заявление (*де* 牒) ещё не поступило в официальное учреждение.

Если же какой-то государственный орган оказался обременён некорректным документом и принял его к рассмотрению (*шоу эр вэй ли* 受而爲理), наказание резко ужесточалось, причём главным преступником оказывался чиновник, взявший такой донос.

Если ответственный чиновник (*гуаньсы* 官司) взял заявление с подозрениями и принял его к расследованию, он всегда получает наказание, уменьшенное на 1 степень относительно [полагающегося при] тех обстоятельствах, о которых донос (*со гао чжи чжуан* 所告之狀). Тогда взявший заявление рассматривается как главарь (*шоу цы чжэ вэй шоу* 受辭者爲首). Если донос был о наказуемом смертностью преступлении, [такой чиновник] наказывается ссылкой на 3000 *ли*, а если о преступлении, наказуемом ссылкой — 3 годами каторги. [Имеются в виду ситуации] такого рода [Тан люй, ст. 355. Уголовные установления Тан, 2005, с. 287].

Фраза о том, что чиновник, взявший в производство некорректный донос, должен считаться главарём, может быть интерпретирована, строго говоря, двояко. Можно предположить, что в этой ситуации самого доносителя следовало считать сообщником главаря и, следовательно, наказание ему, фактически — всего лишь за проступок чиновника, увеличивалось с 50 ударов лёгкими палками до того, какое получилось бы при уменьшении на 1 степень наказания, пола-

гавшегося взявшему некорректный донос чиновнику⁶. Но возможно и то, что речь здесь идёт об общеслужебной ответственности (*лянь-цзо* 連坐). Главарём в штате учреждения следовало считать чиновника, взявшего в производство донос с подозрениями, а его сослуживцы считались соучастниками с обычной разбивкой по уровням; доносителю же грозили лишь те же 50 ударов лёгкими палками⁷.

Танские законодатели изменили бы сами себе, если бы сформулировали относительно простую норму закона, не предусмотрев из неё исключений.

При убийстве или хищении, поскольку вред от этих действий особенно велик, а также если [каким-либо] человеком был дан ход воде или пущен огонь, от чего оказалось смыто или сожжено имущество, причём при хищении безразлично, грабёж это был или кража, а при [ущербе от] воды или огня безразлично, много было смыто либо сожжено или мало, доносителю также необходимо чётко указывать год

⁶ «В случаях совершения преступлений совместно с полномочными или заведующими чиновниками (*гун цзяньлинь чжуншоу вэй фань* 共監臨主守為犯), хотя бы мысль подал [посторонний простой человек], тем не менее как главарь рассматривается полномочный или заведующий чиновник, а постороннему простому человеку наказание определяется как обычному соучастнику (*чаниун* 常從)» [Тан люй, ст. 42. Уголовные установления Тан, 1999, с. 239].

⁷ В современном китайском исследовании данная трактовка является единственной [Лю Цзюнь-вэнь, 1996, т. 2, с. 1659]. Однако по логике вещей и духу танских законов человек, не просто совершивший нечто несообразное, но затем введший в заблуждение и лишние хлопоты официальную инстанцию, должен был как-то поплатиться за то, что его несообразные действия имели столь неприятное продолжение. Например, как мы увидим чуть позже, когда кто-либо пытался подать жалобу властям через голову первичной инстанции, то он не подлежал наказанию, если его жалобу отказывались принять; но если её принимали, нарушив тем самым порядок прохождения документации, и сам жалобщик, и тот чиновник, который его жалобу принял, подлежали наказанию 40 ударами лёгкими палками. Поэтому не является совершенно невероятным, что из-за приёма властями доноса, не содержащего точного указания времени преступления или бесспорных фактов, закон мог предусматривать увеличение наказания также и доносителю с 50 ударов лёгкими палками до уменьшенного на 2 степени наказания за то преступление, какое указывалось в некорректном доносе. Применение же общеслужебной ответственности и так подразумевалось всегда, когда речь шла о государственных учреждениях, а по её нормам и без пояснений должно было быть понятно, что главарём всегда считается тот, из-за кого ошибка проникла в учреждение и пошла дальше по инстанциям. Относительно общеслужебной ответственности подробнее см.: [Рыбаков, 2013, с. 186–202].

и месяц, и не должно указывать того, что [является лишь] подозрением, однако если после расследования и допросов донос [оказался] безосновательным, [доноситель] никогда не подлежит обратной ответственности (*фаньцзо* 反坐). Если [в доносе о подобном преступлении] указано то, что [является лишь] подозрением, ответственным чиновникам также не должно брать [подобный донос] к рассмотрению. Но, хотя бы и взяли его к рассмотрению, также получают избавление от наказания (*суй шоули гуаньсы и дэ мянь кэ* 雖受理官司亦得免科) [Тан люй, ст. 355. Уголовные установления Тан, 2005, с. 257].

Вероятно, это надо понимать так.

Во-первых, доноситель, если его донос о реально имевшем место общественно опасном злодеянии (убийстве, хищении, преднамеренном поджоге или подтоплении) содержал лишь подозрения, всё же получал свои 50 ударов лёгкими палками. Но если, например, такой донос был всё же принят, либо если имел место, видимо, ненаказуемый 50 ударами донос, в котором некая информация преподносилась не как предположение, а как факт, в котором доноситель уверен, однако расследование затем показывало, что донос вообще не соответствует действительности, к доносителю не применялось куда более суровое, чем 50 ударов лёгкими палками, наказание за клевету.

А во-вторых, если ответственный чиновник принял к рассмотрению некорректный донос об общественно опасном преступлении, вне зависимости от того, показало ли следствие его истинность или ложность, он не подлежал наказанию, полагающемуся за возбуждение дела по некорректно оформленному документу.

Трудно понять данную фразу *Тай люй шу* и как-то иначе. Надо полагать, эта норма была введена, чтобы не слишком пугать перспективой суровых кар добрых подданных и горящих стремлением восстановить справедливость чиновников в тех случаях, когда сам факт страшного злодеяния сомнений не вызывал, то есть убийство или поджог, хищение или преднамеренное подтопление были налицо, и проблема заключалась лишь в формальных придираках к доносу или в неспособности доносителя исчерпывающе доказать обвинение конкретного лица в реально наблюдаемом преступлении.

Доносы о преступлениях полагалось подавать лишь в органы гражданской администрации. Чиновники военных учреждений — гвардий (*вэй* 衛) или дружин ополчения (*чжэчунфу* 折衝府) — не имели права принимать их к рассмотрению и тем более начинать следствие. Им это прямо запрещалось. Исключение делалось лишь для доносов об антигосударственных преступлениях — умысле восстания против, умысле великой строптивости или умысле измены (*моу фань ни пань* 謀反逆叛), а также о хищениях. Но даже в этих

случаях военным администраторам предписывалось лишь принять донос, а затем они обязаны были в течение суток переслать его для осуществления дальнейших действий в ближайшую гражданскую администрацию; если этого не делалось, виновный офицер подлежал наказанию, уменьшенному на 3 степени относительно того, какое фигурировало в доносе. Надо думать, это было связано с тем, что не на армию возлагалась ответственность за поддержание порядка и решение тяжб. Отдавать гражданское население под власть военных чиновников танские законодатели не хотели.

Ложный донос

Подача клеветнических доносов была наказуема, причём строго в соответствии с уровнем преступной воли клеветника, с интенсивностью его стремления нанести тому человеку, на которого он клеветал, прямой вред. Мерилом этой интенсивности была тяжесть преступления, измышлённого в навете, то есть строгость наказания, какое полагалось бы оклеветанному, если бы донос смог ввести власти в заблуждение, и они осудили бы невинного согласно изложенным в доносе обстоятельствам. Понятно, что облыжно обвинивший кого-то в краже курицы является куда менее злостным преступником, чем тот, кто обвинил заведомо невинного человека, например, в умысле убийства. Наказывать их одинаково — скажем, за клевету как таковую, — было бы вопиюще несправедливо. Зеркальный перенос полагающегося по доносу наказания на клеветника назывался «обратной ответственностью».

Всякий, кто ложно донёс на человека (*угао жэнь* 誣告人), соответственно каждому данному случаю подлежит обратной ответственности (*фаньцзо* 反坐). <...> То, что у людей есть недруги, обыкновенно. Если из-за этого один ложно донёс на другого, то, сообразно лёгкости или тяжести ложного преступления, человек, подавший донос, подлежит обратной ответственности. <...> Наказание [клеветнику] по обратной ответственности определяется по тому закону, [по которому оно определялось бы] человеку, [означенному в доносе]. Если доходит до смерти, но человек, [означенный в доносе], хоть приговор ему уже и вынесен, ещё не казнён, при определении обратной ответственности разрешается уменьшить наказание на 1 степень [Тан люй, ст. 342; Уголовные установления Тан, 2005, с. 251–252].

То есть если за фигурирующее в доносе преступление полагалось бы 90 ударов тяжёлыми палками, то и клеветника надлежало наказывать 90 ударами тяжёлыми палками. Если по доносу полагалось бы 3 года каторги, то и клеветнику — 3 года каторги. Если же в доносе сообщалось о преступлении, наказуемом смертной казнью, и невинный уже попал под следствие, и даже был к казни приговорён,

но истина каким-то образом всё же восторжествовала до того, как непоправимое свершилось, наказание клеветнику, поскольку жизнь у оклеветанного не была отнята, разрешалось уменьшить со смертной казни до ссылки на 3000 *ли*, тоже оставив преступника, таким образом, в живых.

Аналогичным образом полагалось карать и чиновников, которые сами вели следственные действия и, руководствуясь личными мотивами, осуждали невинных.

Если чиновник, которому [по долгу службы полагается] проводить [служебные] расследования и обвинять [перед вышестоящими инстанциями] <...>, испытывая неприязнь к [какому-либо] человеку, к его сподвижникам или к его родственникам (*пэндан циньци* 朋黨親戚), затаив частный [интерес] и благовидно прикрывая обман, произвольно провёл [служебное] расследование и обвинил [этого человека перед вышестоящими инстанциями] (*сесы шичжа ванцзо цзютань* 挾私飾詐妄作糾彈), всегда [действуют по] уголовному установлению о ложных доносах [Там же].

Однако принцип «око за око» был для танских законодателей слишком обобщённым, слишком грубым и потому чреватым несправедливостью; хотя глаза выполняют у всех людей одинаковую функцию, но сами люди — не одинаковы.

Например, если донос был подан на кого-то, кому вместо ссылки или каторги полагалось бы, провинись он на самом деле, восполняющее битьё (*цзя чжан* 加杖)⁸, клеветника тоже не отправляли в ссылку или на каторгу, а применяли к нему соответствующее восполняющее битьё. Если облыжный донос был подан на человека, которому, соверши он преступление на самом деле, по его физическому состоянию полагалось бы откупиться от наказания (инвалид, старик, малолетний)⁹, клеветник тоже откупался соответствующей суммой.

⁸ Так наказывали, например, единственных взрослых мужчин в семье, без которых семья бы просто пропала, или рабов, которых нельзя было отрывать от хозяев. В таких случаях не разрешалось приводить в исполнение приговор к каторге или ссылке реально. Специально были предусмотрены перерасчёты в «восполнение тяжёлыми палками» — 1 год каторги соответствовал 120 ударам, 1,5 года каторги — 140 ударам и т.д. до 200 ударов вместо 3 лет каторги. Все три разновидности ссылки также восполнялись 200 ударами. См.: [Тан люй, ст. 27, 28; Уголовные установления Тан, 1999, с. 172, 175].

⁹ «Всякий раз, когда тот, кому 70 лет или больше, 15 лет или меньше, или [инвалид] *фэйци* совершил преступление, наказуемое ссылкой или легче, вносится откуп» [Тан люй, ст. 30; Уголовные установления Тан, 1999, с. 182]. *Фэйци* 廢疾 — группа инвалидности (более лёгкая, чем *дуци*):

Однако если клеветан был чиновник, которому в случае осуждения полагалось бы воспользоваться зачётом должностью либо соответствующей его рангу привилегией, или аристократ, который благодаря своей родственной «тени» (*инь* 蔭) тоже имел возможность уменьшения наказания на 1 степень или откупа, применительно к клеветнику подобной трансформации не производилось. Ему полагалось само основное наказание, соответствующее тяжести фигурирующего в навете преступления (битьё, каторга, ссылка).

Если кто-либо подал на человека донос, по которому было проведено следствие, то, хотя бы сам донос оказался безосновательным, но благодаря следствию было выявлено совершённое тем же человеком преступление, равное по тяжести тому, что фигурировало в доносе, или ещё более тяжёлое, то наказание за ложный донос не применялось [Тан люй, ст. 343; Уголовные установления Тан, 2005, с. 256].

За ложный донос о главных антигосударственных преступлениях, то есть умысле восстания против и великой строптивости (*фань ни* 反逆) полагалось обезглавливание, а сообщникам, если таковые находились — удушение [Тан люй, ст. 341. Уголовные установления Тан, 2005, с. 250]. Эту кару к клеветнику следовало применять даже в том случае, если истина выяснилась ещё до того, как оклеветанный был казнён [Тан люй, ст. 342; Уголовные установления Тан, 2005, с. 252].

За ложный донос на начальника своего учреждения либо на начальника административной единицы (уезда, округа), к которой доноситель был приписан, карали на 2 степени строже, чем обычный ложный донос.

Имеется в виду, что подавший ложный донос о преступлении, наказуемом 1 годом каторги, должен быть наказан 2 годами каторги [Тан люй, ст. 350. Уголовные установления Тан, 2005, с. 274].

Прямое начальство — это, конечно, не родители, на которых доносить вообще запрещалось под страхом смертной казни через удушение, но и не ровня доносителю. Обычной «обратной ответственностью» тут было не отделаться.

Анонимный донос

Не допускались к принятию и рассмотрению анонимные либо поданные под чужим или вымышленным именем доносы. Тут закон был почти бескомпромиссен, причём настолько, что постарался для

слабоумные, глухонемые, горбатые, карлики, лишённые одной конечности. *Дуци* 篤疾 — высшая из трёх выделявшихся в танском праве групп инвалидности: помешанные, слепые на оба глаза, лишённые двух конечностей [Нида Нобору, 1964, с. 228].

вящей ясности перечислить все способы и ухищрения, к каким могли бы прибегнуть злостные доносчики, чтобы довести до властей свои обвинения. Ведь анонимного доносителя нельзя было привлечь к ответственности за ложный донос. Его нельзя было допросить, как полагалось, если обвинённый человек упорно настаивал на своей невиновности. Физическое отсутствие доносителя недопустимо деформировало всю процедуру следствия.

Есть люди, которые, скрывая своё имя, либо подложно [написав] имя [другого] человека, тайно подбрасывают доносы с обстоятельствами совершения [каким-либо] человеком преступления. Безразлично, лёгкое преступление или тяжёлое [означено в доносе], тот, кто подбросил донос, подлежит ссылке. <...> Оставил ли где-либо, подложил ли или подвесил — всё то же самое. Имеется в виду, что либо оставил на уличном перекрёстке, либо подложил в учреждение, либо подвесил в почётной арке (*цзинбяо* 旌表), и [другие ситуации] такого рода. Все они рассматриваются как подбрасывание при скрытом [имени], и [виновный] подлежит [означенной] ответственности [Тан люй, ст. 351; Уголовные установления Тан, 2005, с. 275].

Совершённое любым из подобных способов подбрасывание безымянного доноса полагалось наказывать ссылкой на 2000 *ли*, а если расследование затем показало, что аноним таким образом обвинил кого-либо из своих родителей или родителей отца, то — удавлением.

Здесь был один из тех довольно редких случаев, когда лично зависимые — рабы, рабыни, *буцюи* и другие — приравнивались к лично свободным. За анонимный донос на чужого лично зависимого полагалось такое же наказание, как за анонимный донос на лично свободного. Должно было быть предельно ясно, что криминальность дела не в объекте доноса — она в его анонимности.

Тот, к кому волею судеб попадал подобный документ, обязан был его просто сжечь. Текст становится здесь, как и во многих иных случаях, когда речь заходит о моральных ценностях, отнюдь не строго юридическим, но скорее литературным, морализаторским.

По документу со скрытым именем не должно начинать расследования. Тому, к кому он попал, необходимо сжечь его, чтобы пресечь путь [распространения] обмана и лукавства (*и цзюэ цигуй чжи лу* 以絕欺詭之路) [Тан люй, ст. 351; Уголовные установления Тан, 2005, с. 277].

Если тот, кто нашёл подмётное письмо, не уничтожил его, а передал властям, его надлежало наказывать 1 годом каторги. Чиновник, который такое письмо получил и принял к рассмотрению, подлежал наказанию, на 2 степени более тяжёлому, то есть 2 годами каторги. Чиновника, не просто возбудившего по анонимному доносу дело, но

и доложившего о нём наверх, в вышестоящую инстанцию, наказывали уже 3 годами каторги.

Тот, кого обвиняли таким доносом, наказанию не подлежал, даже если донос соответствовал действительности; получается, безымянное обвинение фактически могло виновного сделать ненаказуемым, неподсудным. Это правило, правда, не действовало, если речь в доносе шла о преступлениях, при которых не давала освобождения от наказания явка с повинной¹⁰, а предпринятое расследование показало истинность сообщённых сведений. Кроме того, если того человека, относительно которого не стали заводить дела из-за анонимности доноса, обвинял, причём уже согласно всем правилам, кто-то ещё, дело всё же заводили и начинали полноценное следствие.

Подмётные письма о главных антигосударственных преступлениях — умысле восстания против и умысле великой строптивости — не следовало сжигать, и содержащуюся в них информацию надлежало докладывать по инстанциям докладной запиской (*цзюнь-вэнь* 奏聞). Решения по столь важным поводам, в том числе и о том, что делать с безымянным, но оказавшим государству услугу доносителем (если донос оказался истинным), должны были принимать на самом верху. Впрочем, если донос был облыжным, с клеветником, коль скоро его удавалось найти, поступали по всей строгости.

Если обстоятельства оказались соответствующими действительности, тогда необходимо подать доклад на Высочайшее [имя] с просьбой вынести непререкаемое решение и повиноваться ему (*шан цин тин цай* 上請聽裁). Если донос оказался безосновательным, закономерно [действовать] согласно закону о ложных доносах [Тан люй, ст. 351; Уголовные установления Тан, 2005, с. 278].

Впрочем, в некоторых источниках есть упоминания о том, что высшей власти порой приходилось повторять требование поступать с анонимными доносами по закону, из чего можно заключить: в реальности пресечь поступление анонимок не удавалось, а местные судебные инстанции не гнушались принимать их к рассмотрению (см.: [Лю Цзюнь-вэнь, 1996. Т. 2, с. 1649]). Что не удивительно.

¹⁰ «В тех случаях, когда человеку нанесены физический ущерб или телесное повреждение, когда вещи невозможно возместить, когда по раскрытию дела [преступник] совершил побег, равно как когда [некто] проник за [ворота] заставы или совершил вовлечение в развратные сношения, а также частным порядком стал оказывать профессиональные услуги как звездочёт, — все [подобные преступники] не подпадают под [действие] нормы о добровольной явке с повинной» [Тан люй Ст. 37; Уголовные установления Тан, 1999, с. 211].

Подстрекательство к подаче доноса

Донос мог быть подан по инициативе третьего лица. Другими словами, некто вполне мог проинструктировать, подговорить, подучить, науськать (*цзяолин 教令*) соседа, родственника или вообще случайного человека подать донос с его слов. Подобная практика считалась вполне вероятной и не вызывала однозначно негативной реакции. Закон старался дать добрым подданным максимум возможностей для разоблачения возникающих в гуще населения настроений. То, что без опоры на широкие массы органы правопорядка бессильны, понимали ещё в танском Китае, полторы тысячи лет назад.

Однако вполне логичным образом ответственность за то, чтобы факты, изложенные в поданном по чужой инициативе доносе, соответствовали действительности, закон возлагал не только на доносителя, но и на инициатора.

Если следствие показывало, что донос был облыжным, оба участвовавших в его подаче лица признавались клеветниками и должны были быть наказаны с применением норм «обратной ответственности». При этом сам доноситель считался главарём, а инициатор подачи доноса — лишь сообщником. Следовательно, доноситель получал то наказание, какое полагалось бы обвинённому в доносе человеку, окажись донос верным, а инициатор — на 1 степень меньше. Вообще-то закон обычно признавал главарём того, кто подал идею преступления, но тут, видимо, решили распределить приоритеты иначе — ведь именно податель доноса был прямо виновен в том, что в государственное учреждение проникла письменно зафиксированная неправда.

С другой стороны, получение информации от населения считалось, видимо, столь насущной задачей правоохранительных органов, что, если в доносе фигурировало такое преступление, за какое по закону доносителю полагалось вознаграждение¹¹, то, буде донос был кем-то подан с чужих слов, вознаграждение впоследствии делилось между доносителем и инициатором доноса. При этом доносителю полагалось несколько большее вознаграждение, чем инициатору, что вполне укладывалось в самые общие понятия о справедливости: при ложном доносе доноситель считался главарём и получал чуть более строгую острастку за ложь, при истинном —

¹¹ К таковым *Тай люй шу* и относит «доносы о тайном пронесе с собой запретных вещей при проходе через заставу, азартных играх, хищениях, разбое» [Тан люй, ст. 357; Уголовные установления Тан, 2005, с. 291]. О том, как и в каких случаях определялось вознаграждение, будет сказано отдельно чуть позже.

стимулировался чуть щедрее. Логика вычисления полагающихся при таком раскладе частей вознаграждения столь колоритна, что стоит процитировать весь соответствующий пассаж.

Предположим, [некто] подговорил человека донести о преступлении, наказуемом 100 ударами тяжёлыми палками. Если [донос оказался] безосновательным, доноситель, который рассматривается как главарь, должен быть наказан 100 ударами тяжёлыми палками, а тот, кто его подговорил, который рассматривается как соучастник, должен быть наказан 90 ударами тяжёлыми палками. То есть соучастник получает на 1 часть из 10 меньше. Всякий раз, когда полагается вознаграждение, смысл таков же. Пусть лёгкость и тяжесть [преступлений] не одинаковы, всегда [деление на] 10 частей является нормой [Тан люй, ст. 357; Уголовные установления Тан, 2005, с. 291].

Искажение обстоятельств при составлении доноса

Совсем иначе закон относился к ситуации, когда доноситель, будучи сам не в состоянии написать донос, кого-то нанимал составить соответствующий документ с его слов, а тот намеренно написал что-то не то. Ведь здесь в действия составителя явно вмешивались заведомый злой умысел, а вдобавок и корысть. К тому же таким составителем доноса со слов потерпевшего вполне мог оказаться некий государственный чиновник. Е.И. Кычанов прямо понял данное предписание *Тай люй шу* и как адресованное исключительно госслужащим, к которым мог обратиться в случае необходимости потерпевший или просто узнавший о каких-то тёмных делах добрый подданный:

Та же мера наказания грозила чиновнику, если тот, выслушивая и записывая устный донос, отступил от заявленного и сделал свои добавления [Кычанов, 1986, с. 104].

В самом тексте уголовного кодекса характеристика действующего лица дана более широко: *вэй жэнь гуцянь цзо цыде* 為人雇倩作辭牒, то есть «тот, кто был нанят каким-либо человеком сделать письменное заявление с его слов».

Так или иначе, но нанятый грамотей, писавший заявление с чужих слов, мог и впрямь с какой-то целью исказить изначальные показания, и это при том, что доноситель был не в состоянии проверить, верно ли записаны его слова — иначе он, надо полагать, написал бы заявление сам. Если составитель исказил слова доносителя — причём *Тай люй шу* и особо подчёркивает: исказил в сторону утяжеления обстоятельств преступления (*цзяцзэн ци чжуан* 加增其狀) — то он подлежал наказанию 50 ударами лёгкими палками. Об искажении в сторону преуменьшения обстоятельств не упомянуто; позже мы увидим, что и к судьям, которые завышали приговоры, закон относился куда

суровой, нежели к выносившим приговоры более лёгкие, чем следовало бы в соответствии с обстоятельствами преступления.

Однако это весьма щадящее наказание грозило недобросовестному составителю только в том случае, если преувеличение им обстоятельств не привело к завышению наказания (*цзяцзэн цзуй* 加增罪), то есть к вынесению более тяжёлого приговора, чем тот, что на самом деле соответствовал бы реальным обстоятельствам преступления. Если же преувеличение обстоятельств привело к вынесению более тяжёлого приговора, чем полагался бы, будь всё по закону¹², недобросовестный составитель должен был получить наказание, как за ложный донос с уменьшением на 1 степень.

Допустим, первоначальный преступник (*цяньжэнь* 前人) должен быть наказан 1 годом каторги. Тот, кто составлял для человека заявление с его показаниями, преувеличил обстоятельства, так что [стало полагаться] наказание 1,5 годами каторги. Таким образом, из-за ложности [изложенного] появился излишек в полгода каторги. [Виновный] получает наказание, уменьшенное на 1 степень относительно [полагающегося за] ложный донос. Должно наказать его 90 ударами тяжёлыми палками [Тан люй, ст. 56; Уголовные установления Тан, 2005, с. 288]¹³.

Более того. Ведь если составитель доноса был нанят за вознаграждение, в качестве платы за свой недобросовестный труд он мог получить столько, что его действия уже следовало рассматривать как имущественное преступление. Величину полученного им вознаграждения следовало рассматривать как незаконное присвоение, полученное чиновником вследствие занятия каким-то полагающимся ему по работе делом (*цзоцзан* 坐贓)¹⁴, что логично — ведь человек, нанятый составить донос, будь он чиновником или частным

¹² К тому же этот приговор должен был быть тяжелее, чем 50 ударов лёгкими палками, которые полагались за искажение показаний изначально. Иначе недобросовестный составитель просто получил бы более тяжёлое наказание из двух возможных, то есть 50 ударов лёгкими палками.

¹³ Непосредственно по обратной ответственности клеветнику и полагалось бы полгода каторги. Уменьшение на 1 степень 1 года каторги давало 100 ударов тяжёлыми палками, а уменьшение на 1 степень полугода — соответственно 90 ударов.

¹⁴ «При [стоимости] в 1 *чи* [виновный] наказывается 20 ударами лёгкими палками. За [каждую последующую] 1 *ти* наказание увеличивается на 1 степень. За 10 *ти* — 1 год каторги. За [каждые последующие] 10 *ти* наказание увеличивается на 1 степень. [Увеличение] наказания ограничивается 3 годами каторги» [Тан люй, ст. 389; Уголовные установления Тан, 2008, с. 10]. Подробнее об этом виде имущественных преступлений см.: [Рыбаков, 2015, с. 179].

лицом, проявил корыстную недобросовестность при выполнении того дела, той службы, ради которой был нанят. Если соответственно величине присвоения полагалось бы более тяжёлое наказание, чем уменьшенное на 1 степень наказание за ложный донос, следовало применить именно его. Такое вполне могло случиться, если, например, в вышеприведённом примере с 90 ударами тяжёлыми палками недобросовестный составитель получил бы от нанявшего его доносителя плату, равную или превышающую 8 *ти* 1 *чи* шёлка; именно при этой стоимости присвоения наказание начинало превышать 90 ударов тяжёлыми палками и достигало 100 ударов¹⁵.

Если же кто-то был нанят для подачи заведомо ложного доноса, он получал такое же наказание, как если бы сам лично подал ложный донос, то есть по «обратной ответственности» безо всяких послаблений. А если составитель такого доноса ещё и ухитрился как следует погреть руки на чужой клевете, так что наказание за его имущественное преступление превышало наказание по «обратной ответственности», следовало карать его не просто за полученное им незаконное присвоение, но на 2 степени тяжелее.

Допустим, получив [плату в размере] 10 *ти* шёлка, [кто-либо] был нанят для подачи ложного доноса о преступлении [какого-либо] человека, наказуемом 1,5 годами каторги. Незаконное присвоение [в размере] 10 *ти* должно наказывать 1 годом каторги. Наказание увеличивается на 2 степени, так что получается 2 года каторги [Тан люй, ст. 356. Уголовные установления Тан, 2005, с. 289].

Эта высшая математика действительно может несколько утомить непривычного человека. Казалось бы, 1 год каторги за незаконное присвоение легче, чем 1,5 года за ложный донос, поэтому непонятно, с какой статьи включилась норма о незаконном присвоении — но на-

¹⁵ Величина присвоений, или, иначе говоря, стоимость вещей, присвоенных в результате имущественных преступлений, выражалась в танском кодексе в единицах шёлковой ткани, либо в штуках шёлка *ти* 疋, либо, если присвоение было небольшим, в отрезках *чи* 尺. Одна штука шёлка определяется в кодексе как единица шёлковой ткани длиной в 40 *чи* и шириной в 1 *чи* 8 *цуней* [Тан люй, ст. 418; Уголовные установления Тан, 2008, с. 60]. При том что танские *чи* и *цунь* составляли, соответственно, около 31,1 см и 3,11 см [Кроль, Романовский, 1982, с. 227], нетрудно подсчитать, что штука шёлка имела длину 1244 см при ширине 55,98 см. Один отрез *чи*, надо полагать, представлял собой отрезок этой ткани длиной 1 *чи* при стандартной ширине 1 *чи* 8 *цуней*. Относительно покупательной способности тогдашнего универсального эквивалента — шёлка определённого сорта, следует напомнить, что, например, 1 день наёмного труда человека в среднем стоил 3 *чи*, то есть приблизительно одну тринадцатую часть *ти*.

казание, определяемое по имущественной шкале, увеличивалось на 2 степени сначала, в качестве прикидки, так сказать, «на пробу», а уже потом следовало сравнить, стало оно тяжелее того, какое полагалось по обратной ответственности за ложный донос, или нет. Увеличение 1 года на 2 степени давало 2 года каторги, и это было тяжелее, чем 1,5 года.

Наниматель в этом случае получал то наказание, какое полагалось бы за науськивание, подстрекательство (*цзяолин* 教令) к написанию ложного доноса, причём как соучастник (ибо главарём в подобных ситуациях был податель доноса, а тот, кто его составил, к подателю, видимо, и приравнивался). Значит, ему грозило наказание, уменьшенное на 1 степень по сравнению с тем, чем полагалось бы за сам ложный донос. Если вновь обратиться к приведённому в цитате примеру — 1,5 года каторги, полагавшиеся бы за ложный донос, следовало уменьшить на 1 степень, так что в итоге получался 1 год каторги.

Ограничения

Возможностью подать донос о чём-либо преступлении обладали лишь полностью вменяемые и дееспособные подданные. Помимо прочих соображений здесь принималось во внимание и то, что не вполне дееспособные доносчики не могли быть подвергнуты пытке, которая, вообще говоря, вполне могла быть применена к доносчику, если тот, на кого был подан донос, упорно не признавал себя виновным. Когда разрешённая законом доза допросов с пристрастием к объекту доноса была исчерпана, а признания не последовало, допрашивать с тем же пристрастием надлежало доносчика, стремясь выяснить, не оклеветал ли он подозреваемого. Но старых и малых, а также инвалидов, пытать закон запрещал. Потому и доносы от них принимать было нельзя. Чиновник, принявший такой донос, подлежал наказанию.

Характерно, что тяжесть этого наказания целиком зависела от того, какое наказание полагалось за преступление, фигурирующее в неправомерно принятом доносе. То есть чем более тяжёлое преступление вменялось кому-то в вину человеком, не имевшим законной возможности подать донос, тем более виновен оказывался государственный служащий, принявший такой донос к рассмотрению.

Ответственные чиновники (*гуаньсы* 官司), которые взяли и приняли к рассмотрению [такие доносы] <...>, получают наказание, уменьшенное на 3 степени относительно [полагающегося за предложенное к] следствию преступление [Тан луй, ст. 352; Уголовные установления Тан, 2005, с. 280].

Однако для особо тяжких антигосударственных, внутрисемейных и прямо вредоносных для семьи преступлений опять-таки предусматривались исключения.

Тем, кому 80 лет и более, либо 10 лет и менее, а также тем, кто [принадлежит к инвалидам] *дуцзи*, разрешается доносить об умысле восстания против (*моу фань* 謀反), великой строптивости (*моу да ни* 謀大逆) и измены (*моу пань* 謀叛), непочтительности (*бу сяо* 不孝) сыновей и внуков по мужской линии, а также о нанесении тем, с кем они живут с ними вместе (*тунцзюй* 同居), материального или физического ущерба (*цинфань* 侵犯) [посторонними] людьми. Обо всём остальном доносить нельзя [Тан люй, ст. 352; Уголовные установления Тан, 2005, с. 279]¹⁶.

Соответственно и чиновник, принявший от престарелого или инвалида донос о каком-либо из перечисленных преступлений, не мог быть наказан, а, напротив, обязан был принять донос к рассмотрению.

Запрещалось также подавать доносы о преступлениях, совершённых до провозглашения отмены приговоров (*шэ* 赦), если данное преступление под данную отмену подпадало.

Полные (но тоже различавшиеся как «обычные» или «великие») либо частичные (на индивидуальной основе или по каким-то группам преступлений, по всей стране или только в каких-то её областях) амнистии составляли важную часть правовой жизни танской империи¹⁷. В самом общем виде они считались актами, благотворно влиявшими на природу в целом. Поэтому провозглашались они по торжественным случаям (восшествие на престол, утверждение кандидатуры наследника престола, смена девиза правления и пр.), а также с целью умиловить Небо в ситуациях стихийных бедствий или эпидемий; подобные несчастья считались следствиями неоправданной жестокости власти к подданным, карой или предупреждением Неба о том, что император немилостив или недостаточно милостив к вверенному ему Небом населению. Например, в 628 г. Тай-цзун объявил амнистию, чтобы прекратить эпидемию чумы [Ch'ü T'ong-tsu, 1965, p. 215]. За три века правления танской династии было провозглашено 174 великих амнистии, не считая огромного количества частичных или индивидуальных помилований [Кычанов, 1986, с. 91].

¹⁶ Термин *цинфань* поясняется в кодексе так: *хо циньдо цайу хо оуда ци шэнь* 或侵奪財物或毆打其身, т.е. «либо захватить имущество, либо нанести побои телу» [Тан люй, ст. 346; Уголовные установления Тан, 2005, с. 267].

¹⁷ Подробнее см.: [Рыбаков, 2013, с. 46, 137].

Амнистированию подлежали только те преступления, которые до провозглашения амнистии уже были раскрыты и по поводу которых от преступника уже было получено признание, приговор был определён и утверждён, а возможно — уже и начал исполняться.

Текст соответствующей статьи проливает дополнительный свет на суть мероприятия *шэ*, которое обычно переводится термином «амнистия». Из него следует, что по крайней мере некоторые амнистии были сугубо конкретными и отменяли лишь приговоры совершенно определённого характера.

Допустим, была провозглашена отмена приговоров, по которой [от наказания] избавляются полномочные и заведующие чиновники, совершившие у себя хищения (*цзяньчжусу цзыдао дэ мянь* 監主自盜得免) [Тан люй, ст. 354; Уголовные установления Тан, 2005, с. 283].

Под «хищениями у себя» *Тай люй шу* и всегда имеет в виду хищения имущества, находящегося в ведении и в сфере ответственности данного чиновника, а вовсе не реальную кражу из, например, собственного дома. Хищения вверенного по службе следовало наказывать строже обычных хищений.

Всякому полномочному или заведующему чиновнику (*цзяньлин* 監臨主守), который совершил хищение у себя (*цзыдао* 自盜), либо хищение вещей, находящихся в пределах полномочий (*дао со цзяньлин* 盜所監臨財物), <...> наказание увеличивается на 2 степени относительно [полагающегося за] обыкновенное хищение (*фаньдао* 凡盜). При [стоимости в] 30 *пи* — удушение [Тан люй, ст. 283; Уголовные установления Тан, 2005, с. 95–96]¹⁸.

Однако сейчас речь идёт не о самих хищениях такого рода, а о том, что могли провозглашаться амнистии, конкретно адресованные только лицам, совершившим преступные действия строго определённого характера, в данном случае — чиновникам, совершившим хищения подведомственного имущества. Так вот в случае, если провозглашалась отмена приговоров к наказаниям за такое преступление, доносить о хищениях чиновниками подведомственного имущества было уже противозаконно. Попытка подать такой донос была наказуема. Чиновник, который такой донос принял, тоже подлежал наказанию. И в том, и в другом случаях тяжесть полагающихся доносителю и чиновнику наказаний определялась тяжестью наказания, которое полагалось бы по доносу, если бы амнистия не была провозглашена.

Всякий, кто донёс о деле, предшествовавшем отмене приговоров, наказывается тем наказанием, какое [полагалось бы] по данному [делу]

¹⁸ Подробнее об этой разновидности имущественных преступлений см.: [Рыбаков, 2015, с. 196].

(и *ци цзуй цзуй чжи* 以其罪罪之). Ответственному чиновнику (*гуаньсы* 官司), который взял [подобный донос] и принял его к рассмотрению, наказание определяется как за преднамеренное подведение человека под наказание (*и гу жу цзуй* 以故入罪). Если доходит до смерти — в обоих случаях [виновные] наказываются ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流) [Тан люй, ст. 354; Уголовные установления Тан, 2005, с. 282–283].

В самом общем виде можно сказать, что выносящий приговор чиновник, если преднамеренно осудил человека, который осуждения не заслуживал, должен был быть наказан тем самым наказанием, какое он несправедливо присудил. Таким образом, донос о преступлении, от наказания за которое амнистия уже освободила, считался чем-то очень близким ложному доносу, клевете, и подлежал тому самому наказанию, какое по нему полагалось бы самому преступнику. А чиновник, принявший такой донос к рассмотрению, считался сродни неправому судье, готовящемуся приговорить невинного к несправедливому наказанию, и тоже подлежал тому наказанию, какое он и впрямь должен был бы присудить, если бы не амнистия. Единственное послабление делалось для ситуаций, когда в деле мог бы возникнуть смертный приговор; тогда и за неправомерный донос, и за неправомерное принятие его к рассмотрению полагалась ссылка с дополнительными работами, служившая обычной заменой смертной казни в случаях, когда высшая мера наказания признавалась всё же чрезмерной.

Исключение делалось для преступлений, при которых даже отмена приговоров не освобождала преступников от каких-то санкций, призванных вернуть искажённое преступлением положение вещей к правильному. Например, при заключении браков между лично свободными и лично зависимыми такие пары должны были быть в любом случае разлучены и каждый член пары — возвращён к своему первоначальному социальному статусу. Похищенное имущество обязательно должно было быть возвращено по принадлежности. Поэтому, какая бы амнистия ни провозглашалась, сколь широк ни был бы спектр преступлений, ею охватываемых, о преступлениях, требовавших корректирующих действий помимо самого наказания, доносить было можно в любом случае.

Явка с повинной

Танские законы всячески стимулировали раскаяние преступников и предоставляли им возможность, вовремя повинившись, либо полностью снять с себя ответственность за преступление (и, следовательно, перспективу получить за него наказание), либо хотя бы частично облегчить свою участь.

В своё время Конфуций неустанно призывал благородных людей признавать свои ошибки и исправлять их.

Не стыдитесь исправлять свои ошибки [«Лунь юй» («Суждения и беседы»). 1–8. Цит. по: Мартынов, 2001, т. 1, с. 214].

Учитель сказал: «Сделанные человеком ошибки [много] говорят о его характере. Изучая эти ошибки, можно распознать гуманность» [там же, 4–7, с. 231].

Учитель сказал: «...Если сделал ошибку, то не бойся её исправить» [там же, 9–25, с. 268].

Учитель сказал: «Ошибкой называется то, что, будучи ошибкой, не было исправлено» (*го эр бу гай ши вэй го и 過而不改是謂過矣*) [там же, 15–30, с. 323].

Дальним, но вполне прямым отголоском этого морального требования стал тщательно разработанный юридический механизм явки с повинной, или «саморазоблачения» (*цзышоу 自首*), несомненно, призванный, помимо прочего, ещё и стимулировать пробуждение конфуцианской гуманности в преступниках. Разъяснение к статье о явке с повинной прямо начинается с почти дословного воспроизведения знаменитой чеканной фразы о неисправленных ошибках, которую все переводят чуть по-разному, но понимают одинаково.

Всякому, кто совершил преступление, но до его раскрытия добровольно пришёл с повинной, преступление его прощается. <...> Разъяснение: Ошибиться и не исправить — вот что такое ошибка (*го эр бу гай сычэн го и 過而不改斯成過矣*). Ныне тот, кто оказался способен исправить ошибку и прийти, чтобы повиниться в своём преступлении (*шоу ци цзуй 首其罪*), всегда должен получить прощение (*цзе хэ дэ юань 皆合得原*) [Тан люй, ст. 37; Уголовные установления Тан, 1999, с. 211].

Однако опять-таки на самом деле всё было не столь просто, как может показаться из этой начальной фразы.

Во-первых, если о преступлении уже был подан донос — в сущности, это и считалось моментом раскрытия преступления, ибо выражения «до раскрытия» (*вэй фа 未發*) и «есть письменное свидетельство с доносом» (*ю вэньде яньгао 有文牒言告*) выступают в тексте фактически как характеристики полярных состояний, — явка с повинной уже не помогала.

Во-вторых, если преступление являлось имущественным, явка с повинной не освобождала от необходимости вернуть незаконное приобретение по принадлежности — владельцу, если имущество было частным, либо в казну.

[В ситуациях] такого рода, как [взятка с] нарушением закона, когда наказанию подлежат обе стороны, [присвоение] всё равно взыскивается и конфискуется в казну, а когда взятие и дача происходят без

обоюдного согласия, а также в [ситуациях] такого рода, как вымогательство, [присвоение] всё равно взыскивается и возвращается хозяину [Там же].

Правда, от взыскания двойной стоимости присвоения, чем обычно дополнялось наказание за имущественные преступления, явившийся с повинной освобождался.

Если преступник, уже находящийся под следствием по поводу какого-то преступления, не будучи ни в чём уличён, по собственной инициативе вину в ином своём преступлении, то оно ему прощалось, и он отвечал лишь за то деяние, из-за которого оказался под следствием. Это правило действовало даже в случае, если преступление, в котором добровольно повинился подследственный, было тяжелее того, за которое он был арестован.

Существовали и иные правила, конкретизировавшие применение полагающихся при явке с повинной преференций. Например, если преступник послал кого-то повиниться за себя, это приравнивалось к личной явке. С другой стороны, всегда учитывалось, полностью ли повинился раскаявшийся злодей или часть своих провинностей утаил; в последнем случае именно в той степени, в какой он скрыл правду, он продолжал оставаться виновным и, следовательно, подлежащим наказанию.

Если же добровольно пришедший с повинной [повинился] не в соответствии с действительностью (*бу ши* 不實) или не исчерпывающим образом (*бу цзинь* 不盡), он наказывается тем наказанием, какое полагается за [данные] несоответствие (*бу ши* 不實) или недосказанность (*бу цзинь* 不盡) [Тан люй, ст. 37; Уголовные установления Тан, 1999, с. 214].

Под несоответствиями имелись в виду качественные искажения показаний, под недосказанностью — количественные. Например, если кто-то совершил грабёж определённой величины, а сказал, что совершил кражу — это несоответствие, а если кто-то сказал, что украл имущество ценностью в 8 *ти*, а на самом деле он украл на 10 *ти* — это недосказанность. В первом случае неискренного преступника следовало наказывать, как за попытку грабежа, не приведшую к получению имущества (ведь величину самого присвоения он указал верно), а во втором — как если бы он украл имущество стоимостью в 2 *ти* (ведь именно о 2 *ти* он умолчал).

Словом, механика была довольно сложной, и вдобавок процедура явки с повинной обставлялась определёнными процедурными тонкостями. За их несоблюдение, а также за нерасторопность в принятии мер, посредством которых властям надлежало реагировать на содержащуюся в саморазоблачении оперативную информацию, несли

ответственность уже те чиновники, к которым явился с повинной преступник.

Подавать полагавшееся при явке с повинной заявление (*де 牒*), в котором и содержалось бы признание, полагалось в ближайшую для преступника гражданскую администрацию. Уже упоминалось, что военным учреждениям запрещалось принимать доносы от населения. Приходить туда с повинной тоже не разрешалось.

Всем учреждениям, [связанным с] управлением войсками, не разрешается самоуправно принимать (*бу сюй чжэ шоу 不許輒受*) дела о явке с повинной [Тан люй, ст. 353; Уголовные установления Тан, 2005, с. 281].

Однако если речь шла о преступлениях, подпадавших под рубрику одного из первых трёх из «десяти зол» — умысел восстания против (*моу фань 謀反*), умысел великой строптивости (*моу да ни 謀大逆*), умысел измены (*моу пань 謀叛*), а также имущественных преступлениях, приходило с повинной разрешалось и в военные учреждения, а те, в свою очередь, приняв повинную, обязаны были немедленно переслать документы в ближайшую гражданскую администрацию. Эти нормы, собственно, копировали те, что регулировали принятие военными учреждениями доносов.

Такие дела, как умысел измены или тяжелее являются исключительно вредоносными, и поэтому преступников, [замешанных в них], а также совершивших хищения или разбой (*даоцзэй чжи бэй 盜賊之輩*), всегда необходимо ловить и немедленно захватить. Поэтому [в подобных случаях] разрешается излагать свою вину, явившись с повинной в армейские или дружинные учреждения (*юй цзюнь фу чэньшоу 於軍府陳首*). Эти учреждения, приняв [заявление], пересылают [его] ближайшим ответственным властям (*суйцзинь гуаньсы 隨近官司*). Всякий раз, когда была принята повинная об умысле восстания против, великой строптивости или измены, если [в ней говорится о том, что] имеются приверженцы злодеев (*ю чжидан 有支黨*), обязательно необходимо поймать их и немедленно захватить. Нельзя, чтобы [промедление составило] и половины дня [Тан люй, ст. 353; Уголовные установления Тан, 2005, с. 282].

Если же материалы повинной не требовали принятия столь экстренных мер, срок передачи военными органами полученной ими информации в гражданские учреждения не мог превышать суток с момента получения повинной.

За нарушение этих правил виновные чиновники должны были понести наказание, тяжесть которого прямо зависела от тяжести наказания, полагавшегося бы пришедшему с повинной преступнику, если бы он не пришёл, а был обвинён и пойман. По одной и той же схеме следовало определять наказание военным чиновникам за два,

казалось бы, совершенно различных по сути запрещённых действия: и если они приняли повинную о деле, о каком не должны были принимать, и если, приняв допустимую для них повинную, не требовавшую спешной реакции (например, о каком-то имущественном преступлении), не переслали её в ближайшую гражданскую администрацию по прошествии суток. Надо отметить, что строгость наказания тут полностью совпадала со строгостью наказания, полагавшегося гражданским чиновникам за принятие доноса у тех, у кого нельзя было его принимать (старых, малых и пр.).

Если же повинная была о хищении (*дао* 盜), и по прошествии 1 дня после принятия [дело] не было переслано в ближайший округ или уезд, либо если сверх [разрешённых] было принято какое-либо иное дело, [виновные] получают наказание, уменьшенное на 3 степени относительно [полагающегося за] исходное преступление (*бэньцзуй* 本罪). Допустим, имеется донос о том, что какой-либо человек совершил невнесение двора [в списки]¹⁹. [За это преступление] должно наказывать 3 годами каторги. Армейский или дружинный [чиновник], принявший [такой донос] и начавший по нему следствие (*шоу эр вэй туй* 受而為推) должен быть наказан 1,5 годами каторги. [Имеются в виду ситуации] такого рода [Тан люй, ст. 353; Уголовные установления Тан, 2005, с. 282].

Судя по последней фразе, военным органам запрещалось не просто принятие повинных, но принятие их с последующим самостоятельным началом следственных действий. Хотя в основном тексте статьи говорится о запрете даже просто принимать повинные; такие действия, как мы видели, *Тай люй шу* и сразу называет самоуправными (*чжэ* 輒), а это была одна из худших характеристик незаконного поведения администрации. Похоже, и за сам приём, и за приём с последующим началом расследования наказание военным грозило одно и то же.

Иерархия принимающих инстанций

В то время существовали, во всяком случае — теоретически, законодательно закреплённые возможности экстраординарного обращения наверх по поводу вопиющих несправедливостей и обид, если обращения, направляемые по регулярным каналам, либо не принимались, либо пропадали втуне.

Кодекс упоминает, во-первых, возможность воззвать к императорскому кортежу, когда путешествующий по стране владыка в сопровождении высших сановников оказывался вне многослойной изо-

¹⁹ Об этом преступлении см.: [Тан люй, ст. 150; Уголовные установления Тан, 2001, с. 108].

ляции от населения стенами столицы и дворцов, во-вторых, возможность ударить в так называемый «барабан, вызывающий к слуху» (*дэн-вэньгу* 登聞鼓), и, наконец, подачу на Высочайшее имя заявления (*шан бяо* 上表) об ущемлениях в личных делах, где каждый мог дать свою трактовку каких-то событий (*шэньши цзыли су* 身事自理訴). Во всех этих случаях жалобщик, решившийся привлечь внимание высших лиц империи столь вызывающим образом, обязан был строго придерживаться фактов и ни в коем случае не передёргивать их в свою пользу.

Если [кто-либо], когда Высочайший выезд, принося счастье, двигался по дороге, воззвал к нему, чтобы обратиться с жалобой, или же при дворцовых воротах ударил в [расположенный там] барабан, вызывающий к слуху, чтобы изыскать [возможность] для подачи наверх [изложения каких-либо] сведений, или же подал наверх представление с изложением личного дела, и в [любой из] этих трёх [ситуаций] допустил несоответствие действительности, во всех случаях он должен быть наказан 80 ударами тяжёлыми палками <...>. Если же у него среди несоответствий имеется преднамеренное преувеличение или преуменьшение обстоятельств, или же [некто] утаённое, скрытое, неправдивое или искажённое, тогда наказание определяется, следуя [статье об] обмане и искажении действительности в подаваемых наверх документах. Наказание в итоге — 2 года каторги [Тан луй, ст. 358; Уголовные установления Тан, 2005, с. 294]²⁰.

Весьма колоритным выглядит следующее предписание той же статьи. Если некто, пытаясь достучаться до императора или его ближайших сподвижников во время движения императорского выезда по стране, или во время битья в барабан, вызывающий к слуху, наносил себе какие-то телесные повреждения (возможно, чтобы разжалобить аудиторию, или, наоборот, в неистовстве, в состоянии аффекта), то, если его жалоба содержала недостоверные факты, жалобщика нака-

²⁰ В своё время в переводе этой фразы я допустил неточность. Во фрагменте относительно барабана, вызывающего к слуху, сказано: *юй вэй цюэ чжи ся* 於魏闕之下. Я понял это как «при дворцовых воротах, либо [при воротах учреждений] более низких». Это неверно. *Вэй цюэ чжи ся* значит всего лишь «под башнями по сторонам ворот императорского дворца», «подле императорских ворот». Относительно искажений в подаваемых наверх документах: «Всякий, кто в ответе на повеление, либо в докладе о делах или в документе, [поданном] на Высочайшее [имя], совершил обман или искажение действительности, наказывается 2 годами каторги. Если несекретное дело произвольно было [заявлено] секретным, наказание увеличивается на 1 степень» [Тан луй, ст. 368; Уголовные установления Тан, 2005, с. 321–322]. Подробнее см.: [Рыбаков, 2018, с. 186].

звали 100 ударами тяжёлыми палками, а если она была полностью достоверной — 50 ударами лёгкими палками. При этом ничего не говорится, преднамеренно или случайно жалобщик нанёс себе физический ущерб (*хуйшан* 毀傷). Наоборот, применена очень показательная характеристика действий: самоуправно (*чжэ* 輒). То есть подразумевалось, что законопослушный подданный при таких обстоятельствах никак не должен себя калечить или ранить, а если такое случилось — за нанесённые себе телесные повреждения он должен был ответить перед государством. Здоровье каждого — здоровье всех.

Вообще же говоря, жалобы, иски (*цысу* 辭訴) надлежало подавать строго по инстанциям, начиная с самого низа. В соответствующем общеобязательном постановлении так и сказано прямо: *цун ся ши сянью бэнь сы бэнь гуань* 從下始先由本司本貫, то есть «начиная снизу, сначала через свою администрацию в своём месте приписки» [Ниидэ Нобору, 1964, с. 600]. Тот, кто находился в дороге и столкнулся с какими-то помехами или неприятностями, мог пожаловаться в ближайшую администрацию. Если иск не был удовлетворён или решение не устраивало жалобщика (*бу фу* 不伏), об этом составлялся соответствующий документ (*бу ли чжуан* 不理狀), и только на его основании жалобщик мог двигаться дальше по инстанциям — подать иск в центральный орган, в Правительствующий надзор (*шаньшуйэнь* 尚書省), где подобными делами ведали левый и правый помощники (*чэн* 丞). Если и тут жалобщика ждала неудача, на основании полученного уже в *шаньшуйэнь* документа он мог жаловаться Трёх ответственным (*сань сы* 三司). Это были: один из срединных подателей дел (*цзишичжун* 給事中) Привратного надзора (*мэньсяшэнь* 門下省), один из домочадцев при срединных документах (*чжуншуйэнь* 中書舍人) Надзора Срединных документов (*чжуншуйэнь* 中書省), и глава Цензората, Великий муж державного наблюдения (*юйши дафу* 御史大夫). Если жалобщик по-прежнему не получал удовлетворительно решения, он мог подать доклад на Высочайшее имя, а если доклад застревал в бюрократических тенётах (*бу да* 不達), вот тут-то и можно было бить в барабан, вызывающий к слуху. Если жалобщик был слишком стар или слишком мал, чтобы иметь возможность самостоятельно подать полноценную жалобу, он мог воспользоваться красным камнем (*фэйши* 肺石) и, стоя на нём, заявить свои претензии на справедливость. Если сам обиженный находился под стражей, за него могли проделать весь этот скорбный путь родственники. Относительно тех, кто заявлял обиды, стоя на красном камне, подавал на Высочайшее имя докладную записку дежурный офицер левой Привратной гвардии (*цзо цзяньмэнь-вэй* 左監門衛), относительно тех, кто бил в барабан, — дежурный офицер правой Привратной гвардии [Там же].

Если какой-то слишком торопливый и суетливый жалобщик сразу подавал жалобу через голову надлежащей инстанции, равно как и если некий служащий её принимал, оба подлежали наказанию 40 ударами лёгкими палками. Если жалоба не была принята, то и сам жалобщик, попытавшийся протолкнуть её сразу наверх, не подлежал наказанию — жалоба оставалась его личным делом, ею не оказались обременены государственные учреждения. Принимающий жалобу чиновник, по всей вероятности, должен был удостовериться в наличии у жалобщика акта о неудачном рассмотрении жалобы в нижестоящей инстанции, иначе ему просто неоткуда было знать, правомерна жалоба или нет — не на слово же подателю иска верить. Акта нет — приёма нет.

Если же жалоба была вполне правомерной, и её полагалось взять, а чиновник, к которому жалобщик обратился, этого не делал, то его наказывали уже 50 ударами лёгкими палками.

Если кто-либо обратился со своим иском сразу в округ, миновав администрацию своего уезда, однако округ, приняв жалобу, но вовремя сообразив, что происходит нарушение, переслал её вниз, в исходный уезд, то ни жалобщик, ни принявший его жалобу чиновник не подлежали ответственности.

Судя по тексту уголовного кодекса, жалобы от населения в низовых звеньях администрации были довольно обычным делом и могли копиться без надлежащего рассмотрения в довольно больших объёмах. Статья предусматривала поэтапное увеличение наказаний чиновникам в зависимости от количества неправомерно отвергнутых ими жалоб.

Если жалоба годилась для взятия, а [какой-либо чиновник] отказался, пренебрёг и не взял, он наказывается 50 ударами лёгкими палками. За [каждые последующие] 3 [не взятые] жалобы наказание увеличивается на 1 степень. Имеется в виду, что за 4 не взятые [жалобы] наказание — 60 ударов тяжёлыми палками. При 10 [увеличение наказания] ограничивается 90 ударами тяжёлыми палками [Танлюй, ст. 359; Уголовные установления Тан, 2005, с. 296].

То есть сколько бы правомерных жалоб не оказалось отвергнутыми — тяжелее 90 ударов тяжёлыми палками наказание оказаться не могло.

Правомерная подача жалобы в экстренной ситуации — при попытке обратиться к императорскому кортежу, или с помощью барабана, или посредством доклада на Высочайшее имя — была делом нешуточным и относиться к нему следовало благоговейно, с чувством повышенной ответственности. Это относилось, как мы видели, и к самим жалобщикам, но и к тем, кто в подобных обстоятельствах

жалобы обязан был принимать. Нерадивость вблизи от особы императора была более недопустима, чем такая же нерадивость вдали от него. Ведь чем ближе к императору — тем упорядоченнее должен был быть мир, и тем, следовательно, криминальней были любые нарушения порядка.

Имеется человек, который воззвал к Высочайшему выезду, либо бил в барабан, вызывающий к слуху, либо же подал наверх представление, в котором обратился с жалобой. Если непосредственно ответственный чиновник, которому необходимо было взять [его жалобу], не взял её, он получает наказание, увеличенное на 1 степень. Имеется в виду, что если он не взял 1 [жалобу], наказывается 60 ударами тяжёлыми палками, а за 4 [не взятые жалобы] наказывается 70 ударами тяжёлыми палками. За 10 [не взятых жалоб] — 100 ударов тяжёлыми палками [Там же].

Поимка

Задержание

Нерасторопность ответственных лиц, получивших донос снизу, по степени своей недопустимости и, следовательно, уголовной наказуемости не могла идти ни в какое сравнение с нерасторопностью лиц, получивших приказ сверху.

Реагировать на сигналы от населения местное начальство, разумеется, было обязано, но распоряжения самого этого начальства, вызванные либо такой реакцией, либо просто самими событиями (например, групповым побегом каторжан), подлежали исполнению стремительному и неукоснительному. Поэтому промедление в исполнении приказа начать поиски и поимку сулило тому, кто этот приказ получил, куда более суровые наказания, чем аналогичное промедление в рассмотрении доноса от населения и принятии по нему соответствующих мер (выражавшихся, в частности, как раз в отдаче какому-то конкретному лицу приказа начать поиски и поимку).

Определяя тех, кто служил объектами операций по преследованию и задержанию, соответствующая статья *Тай люй шу* и приводит близко к тексту уже цитированное выше общеобязательное установление, но расширяет перечень:

Согласно общеобязательным установлениям о задержаниях и побеге, арестантов, воинов-призывников, бойцов пограничной стражи, людей, наказанных ссылкой или высланных из волости, если они совершили побег или пожелали вступить в разбойники, равно как [преступников, совершивших] разбой или хищение, либо убийство или нанесение телесного повреждения, всегда необходимо преследовать и

задержать [Тан луй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 116; Ниидо Нобору, 1964, с. 728]²¹.

Нормативные документы частенько абстрагируются от сложностей бытия; да, собственно, они и не могут этого не делать. Их задача — дать общие принципы и ориентиры. Претворять эти принципы в жизнь — дело реальных живых людей, государственных служащих, и, собственно, тем хороший служащий и отличается от плохого, что общие принципы он умеет реализовывать в конкретной обстановке своевременно и в достаточной степени. В соответствующих *линах* легко написать: «Ближайшие к месту побега округ и уезд организуют преследование и поимку», или «По месту получения доноса отряжают ближайших армейских военнослужащих и совершеннолетних тяглых, чтобы преследовать и схватить преступника». Организовать требуемые мероприятия, применяясь к конкретике, вероятно, было куда сложнее.

Операция по задержанию преступника или, тем более, преступников чревата была куда большими сложностями и неожиданностями, чем незамысловатая, рутинная передача или пересылка ближайшему начальству доноса или рапорта о случившемся правонарушении. Эта операция могла развиваться совершенно по-разному в зависимости от множества обстоятельств. Всё это разнообразие закон обязан был постараться учесть и предусмотреть для каждого варианта надлежащие степени виновности проштрафившихся лиц и соответствующие таким степеням карательные санкции.

Обращает на себя внимание то, что все эти санкции, для какого бы сценария они ни предусматривались, всегда рассчитывались, исходя прежде всего из тяжести наказания преступника или преступников, которых согласно распоряжению сверху надлежало найти и поймать. Одни и те же неправомерные или неудачные действия лиц, отряжённых для поимки злодеев, чреваты были для этих лиц совершенно различными наказаниями в зависимости от того, какое наказание полагалось самим злодеям, какого воздаяния за свои проступки они избежали, оказавшись не пойманными. Вина правоохранителя была производной от вины правонарушителя, с которым данный правоохранитель не совладал. Степень виновности потерпевшего неудачу преследователя определялась комбинацией двух параметров: его собственной неадекватностью, повлёкшей за собой большие или меньшие успехи преступников в их попытке избежать

²¹ В приводимом Ниидой Нобору тексте отсутствуют «[преступники, совершившие] разбой или хищение, либо убийство или нанесение телесного повреждения».

законной и справедливой кары, и тяжестью самой этой кары. Дополнительная коррекция производилась соответственно служебному статусу преследователя.

Законом предусматривались три различных служебных статуса тех, кому возможно было доверить задержание совершивших побег преступника или преступников (*цзуйжэнь таован* 罪人逃亡).

Во-первых, это могли быть непосредственно государственные служащие, находящиеся на реальных служебных должностях, причём здесь тоже вводилось уточнение: это могли быть и гражданские чиновники (*ли* 吏), и военные (*цзян* 將). С обычной дотошностью кодекс разъясняет:

Имеется в виду, что тот, кто в момент [получения приказа] занимал военную должность, являлся военнотружущим, а тот, кто занимал гражданскую должность, являлся гражданским чиновником (*цзянь жэнь угуань вэй цзян вэньгуань вэй ли* 見任武官為將文官為吏) [Тан луй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 116].

Во-вторых, аналогичный приказ мог быть, судя по тексту статьи, отдан и тем, кто не служил в данный момент. Таковые тоже подразделялись на две разновидности. Это могли быть кадровые чиновники, в данный момент не служащие и проживающие дома — например, отработавшие в прежней должности положенный срок и ожидающие возможности принять участие в отборочных экзаменах (*сюань* 選) на должность, в которой им захотелось бы продолжить службу. И это могли быть люди, не относящиеся к бюрократии, но в бытность свою на армейской службе выслужившие ту или иную наградную должность (*сюньгуань* 勳官)²². Понятно, что, когда в глубинке случается некое настроение и возникает необходимость обратиться за содействием к местному населению, в первую очередь на ум начальству приходят те подданные, кто в своё время хоть и не поднялся выше рядового, но удостоился, например, чего-то вроде медали «За отвагу».

О людях обеих этих категорий в кодексе сказано:

Если временно был уполномочен окружной или уездной [администрацией] возглавить людей для преследования и задержания... (*линъши чжоу сянъ чайцянь лин жэнь чжуйбу* 臨時州縣差遣領人追捕...) [Тан луй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 118].

Это, по сути, единственное прямое упоминание о том, что имеется в виду не столько единолично осуществляемый арест, сколько групповая операция.

²² Об отборочных экзаменах см.: [Рыбаков, 2009, с. 151]. О наградных должностях см.: [Рыбаков, 2009, с. 103].

И, в-третьих, это могли быть некие лица, не являющиеся кадровыми военными или гражданскими чиновниками, но по каким-то причинам на индивидуальной основе назначенные для проведения операции по поимке (или руководства ею, если операция была коллективной) специальным Высочайшим распоряжением (*чи 敕*).

По уровню ответственности и, следовательно, по степени виновности в случае неправильных действий третьи приравнивались к первым (спецназначение, как водится, накладывало спецответственность); вторым, поскольку они не служили в данный момент и при том не удостоились спецназначения, косвенным образом предоставлялись некие послабления, и потому, если что-то шло не так, их называли несколько легче.

По получению приказа осуществить погоню и задержание преступника или преступников лица любой из этих категорий могли действовать вполне безупречно, и тогда никакой разницы между ними закон не усматривал. Ведь результат был одним и тем же: приказ выполнен, преступник схвачен.

Нарушения закона, которые могли быть совершены в процессе исполнения приказа, были более разнообразны.

Во-первых, как предусмотрительно предполагает закон, любой из получивших приказ мог начать мешкать или увиливать от его исполнения, сказываясь больным или ссылаясь на какие-то иные препятствующие немедленному отправлению обстоятельства. Подразумевалось, что уловки были сознательными и обманными, то есть на самом деле данный человек был здоров, а иные обстоятельства, на которые он ссылался, на самом деле отсутствовали или, во всяком случае, не препятствовали исполнению приказа. Если невозможность исполнения была объективной, виновность не наступала.

Характерно, что здесь градации наказания в зависимости от длительности задержки не вводились. Данная ситуация была чисто бинарной: приступил к исполнению немедленно — не приступил к исполнению немедленно. Третьего не дано. Как именно закон понимал «немедленность», сколько времени давалось на сборы, сколько на организацию акции, из текста понять невозможно, об этом нет ни слова.

Наибольшее разнообразие предсказуемых в законе ситуаций относилось к моменту столкновения преследователей с преследуемыми. Вторым основным критерием корректировки степени виновности организатора поимки, помимо отнесения его к той или иной из трёх категорий служебного статуса, была степень успешности действий.

Вообще говоря, законодатели явно считали нормой многочисленность одновременно преследуемых преступников; речь в законе идёт скорее о массовых побегах или коллективных разбойных по-

ползновениях, нежели о погоне за одиноким вором. Ибо ситуация непосредственного столкновения правоохранителей с правонарушителями подразделяется на подвиды исключительно по критерию соотношения сил преследователей с силами преступников. Поединок действующего автономно государственного служащего с одиноким бандитом мог быть лишь одним из частных случаев такой коллизии, и, вероятно, не самым частым.

Соотношение сил могло быть, согласно тексту кодекса, двояким: либо «людей и оружия было достаточно и они не уступали [силам преступников] (*жэнь чжан цзу ди* 人仗足敵)», либо «люди и оружие уступали [силам преступников] — имеется в виду, что <...> злодеев было много, а солдат мало, или что <...> военное снаряжение и оружие уступали [тем, что имелись у преступников] (*жэнь чжан бу ди вэй цзэй до бин шао хо цичжан бу ди* 人仗不敵謂賊多兵少或器仗不敵)» [Тан люй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 117].

Если в любой из этих двух ситуаций преследователи сумели одолеть преследуемых и схватить их, то опять-таки дальше никаких вариаций не предусматривалось: приказ выполнен, преступники схвачены, результат однозначен, говорить больше не о чем, ибо всё произошло так, как надлежит.

Однако неудачи в зависимости от конкретных обстоятельств расценивались по-разному. Наиболее вопиющий из возможных огрехов, что мог произойти уже после столкновения организатора преследования с преступником или преступниками, по степени недопустимости и, следовательно, наказуемости был прямо приравнен к промедлению или уваливанию.

Если служащий военный или гражданский чиновник не приступил к выполнению задания немедленно, равно как если, хоть и выступил без проволочек, хоть и настиг преступника (или преступников), но при условии достаточности сил и средств не вступил в схватку, а отступил (*бу доу эр туй* 不鬥而退), ему полагалось наказание, на 1 степень более лёгкое, чем самому преступнику. То есть если руководитель операции догнал злодеев, но, хотя и обладал достаточными ресурсами, уклонился от попытки захватить преследуемых силой, он считался столь же виноватым, как если бы вообще не выступил в погоню.

Это значит, что, например, если преступник заслуживал смертной казни, недобросовестному преследователю в обоих этих случаях (не выступил вовремя либо выступил, но при условии достаточности сил отступил без схватки) полагалась ссылка на 3000 *ли*. Уместно вспомнить, что ровно так же, на 1 степень, уменьшалось наказание по сравнению с главарём его сообщникам при групповых преступлениях.

ях²³; получается, закон таким образом косвенно уравнивал по степени виновности нерадивого слугу закона с сообщниками того, кто этот самый закон нарушил.

Если же в условиях достаточности сил руководитель поимки всё же не струсил сразу, а сразился, но без успеха отступил (*доу эр туй 鬥而退*), наказание ему уменьшалось по сравнению с преступником на 2 степени (в нашем примере — до 3 лет каторги). Ровно так же определялось наказание за аналогичные действия тому, кто, хоть и не был служащим гражданским либо военным чиновником, был назначен провести данную поимку специальным Высочайшим распоряжением.

Если же руководить преследованием уездная или окружная администрация назначила того, кто в данный момент не занимал реальной должности, а, будучи кадровым чиновником без текущего назначения, пребывал дома, либо того, кто имел лишь наградную должность, наказание в обеих ситуациях уменьшалось на 1 степень по сравнению со служащими чиновниками либо спецназначенцами. Стало быть, по сравнению с преступником — на 2 или 3 степени. То есть если преступник заслуживал смерти, преследователю, не выступившему вовремя либо отступившему без схватки, полагалось наказание не ссылкой на 3000 *ли*, а 3 годами каторги; преследователя, схватившегося с преступником или преступниками, но не одолевшего их, полагалось не 3 года каторги, а 2,5.

В обстоятельствах недостаточности сил тоже было два варианта развития событий: преследователь мог не сразиться и отступить, побоявшись связываться с превосходящими силами злодеев, а мог сразиться и, истощив все силы и все уловки, осознав невозможность дальнейших действий по исполнению приказа, тоже без успеха отступить.

Преследователь, реально служащий в момент проведения операции либо назначенный специальным распоряжением, если в этой ситуации без попытки выполнить приказ уклонился от столкновения, подлежал наказанию, уменьшенному на 3 степени относительно наказания, полагающегося преступнику (в нашем примере — 2,5 года каторги). Если руководил поимкой чиновник, не находящийся в данное время на должности, либо простолюдин, имеющий наградную должность, ему за аналогичное уклонение от попытки выполнить

²³ «Когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь. Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на 1 степень» [Тан люй, ст. 42; Уголовные установления Тан, 1999, с. 237].

приказ опять-таки полагалось наказание, уменьшенное на 1 степень относительно полагавшегося бы служащему чиновнику или спецназначенцу, то есть в нашем примере — 2 года каторги.

Как служащих, так и не служащих, если они в условиях недостаточности сил и средств всё же рискнули напасть на преступника или преступников, но, исчерпав все возможности, не смогли их одолеть и, в конце концов, отступили, за неудачу не наказывали.

Однако этими вариантами развития событий разнообразие предусмотренных законом коллизий далеко не исчерпывалось.

Если в течение 30 дней смогли сами задержать преступников и поймать половину или более, либо пусть хотя бы и не половину, но того, кому полагалось наиболее тяжёлое наказание, всем, [кто преследовал, полагающееся им] наказание отменяется (*цзе чу ци цзуй* 皆除其罪). Даже если преступников задержал 1 человек, остальные также подпадают [под действие этой нормы] [Тан люй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 117–118].

Помимо прямо сообщаемой информации, тоже весьма существенной, эта фраза позволяет сделать важные косвенные уточнения относительно коллизии в целом.

Ещё раз подтверждается, что ловля одинокого преступника была если и не исключением, то уж всяко лишь частным случаем обобщённой ситуации. И преступников могло быть несколько, а то и много, и преследователей могло быть несколько, а то и много. Норма же закона, согласно которой наказание нерадивому преследователю следовало определять уменьшением наказания преследуемого, не вызывает непонимания лишь в случае ловли одинокого преступника одиноким стражем закона. Если преследуемых много, то вряд ли стоит исходить из того, что все они виноваты в одинаковой степени. Наказания, которые им грозят, скорее всего различны. И если преследователей много, то вряд ли им всем грозила за нерадивость руководителя одна и та же кара.

Коль скоро в данном предписании содержится упоминание о принципиальной важности преступника, которому полагается самое суровое наказание из всех беглецов, мы можем заключить, что именно от этого самого тяжёлого наказания и следовало отсчитывать уменьшение по степеням тех наказаний, которые полагались преследователям. Если в бега одной компанией ударились убийца, мелкий воришка и, скажем, деревенский дебошир, в драке сломавший палец соседу, кары недобросовестным служителям закона следовало отсчитывать, надо полагать, именно относительно убийцы.

Второе умозаключение более проблематично, более гадательно.

Творцы *Тай люй шу* и не позаботились хотя бы намекнуть, как распределить наказания среди многочисленных преследователей. В начале статьи речь идёт о тех государственных служащих или уподобленных им лицах, которым поручено преследовать и ловить преступников; в разъяснении мельком упоминается о том, что они должны были «возглавлять людей для преследования и задержания». В только что процитированной фразе говорится о том, что, если хотя бы кто-то из осуществлявших задержание и потерпевших неудачу смог затем в течение 30 дней исправить ситуацию, и он, и все остальные, участвовавшие в неудачном задержании, освобождались от наказания. Значит, если бы ситуация не была исправлена, наказаны оказались бы все преследователи — иначе понять данную фразу невозможно. Но не укладывается в голове, что всем им грозило наказание одной и той же строгости — и государственному служащему, уполномоченному организовать поимку, и его подчинённым. Остаётся предположить, что в приводимой в статье схеме (уменьшение на 1 степень, на 2 степени и пр.) речь идёт именно о вычислении наказания для лидера, для ответственного лица, для возглавлявшего поимку чиновника или приравненного к чиновнику персонажа. А остальным преследователям, — тем, кого он возглавлял и вёл, — наказание уменьшалось, вероятно, как соучастникам, то есть на 1 степень по сравнению с главарём.

Кодекс уточняет:

Если в течение 30 дней смогли сами задержать преступников и поймать половину или более — имеется в виду, что 10 человек совершили побег, а поймано было 5 или 6. Хотя бы и не половину, но того, кому полагалось наиболее тяжёлое наказание — допустим, арестанты, которым полагались наказания каторгой, ссылкой и смертью, одновременно совершили побег, и задержан был 1 человек, тот, кому полагалось наказание смертью. Хотя бы [остальные] 9 человек, которым полагались наказания каторгой и ссылкой, не были задержаны, тем не менее [всем, кто их преследовал, полагающееся им] наказание отменяется. Даже если задержал 1 человек, а многие вместе упустили арестантов (*чжунгун ши цю* 眾共失囚), они все также подпадают под закон об избавлении [от наказания] [Тан люй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 119].

К сожалению, даже эта пространная цитата, при том что она действительно помогает понять некоторые тонкости механики определения наказаний при данных обстоятельствах, ничем не может подтвердить или опровергнуть высказанные выше предположения.

Помимо запоздалой поимки танские законодатели предусмотрели ещё две ситуации, которые ровно так же освобождали преследователей от грозящих им за неудачные действия наказаний.

Преследуемые могли в течение 30-дневного срока после начала операции по их поимке сами так или иначе умереть естественной или даже насильственной смертью (сказано просто: *шэнь сы* 身死). В одной из последующих статей этот тезис прямо разъяснён:

...Имеется в виду, что сам ли умер, или был убит другими людьми — всё равно [Тан люй, ст. 455; Уголовные установления Тан, 2008, с. 129].

В этих случаях операция считалась выполненной — как бы сама собой, но вполне достаточным для восстановления порядка и безопасности образом, и вина с незадачливых преследователей снималась.

И, кроме того, нельзя было совсем уж исключить вероятность того, что беглецы в течение тех же 30 дней после начала неудачной операции по их поимке вдруг сами раскаются, придут с повинной и чистосердечно покаются исчерпывающим образом. Тогда злополучные преследователи тоже оказывались полностью оправданы.

Если же кто-либо из покаявшихся скрыл часть своих проступков, то наказание преследователям всё же следовало, и вычислялось соответственно незаявленной при явке с повинной доле вины. Эту довольно изошрённую норму закона можно пояснить следующим простым примером: некто украл имущества на 15 *пи*, за что ему грозило наказание 2 годами каторги. При явке с повинной он рассказал, что украл имущества на 10 *пи*. 5 *пи* он, таким образом, скрыл. За кражу в размере 5 *пи* полагалось наказание годом каторги. Вот это-то наказание и должен был получить в итоге недораскаявшийся вор, когда справедливость торжествовала [Тан люй, ст. 37; Уголовные установления Тан, 1999, с. 214]²⁴. И именно от этого наказания следовало отсчитывать все разнообразные наказания тем, кто гнал за ним, чтобы задержать, и так или иначе при этом проштрафился.

Существовал ещё один льготный срок. Он не имел строго определённой величины. Его нижней границей было истечение 30-дневного интервала. Его верхней границей служил момент отправки уже вынесенного приговора докладом для утверждения в столицу (*цзюэ* 奏決).

Если какое-либо из перечисленных событий, которые можно было трактовать как произошедшее само собой успешное завершение поимки (запоздавшая поимка преследуемого или преследуемых хотя бы одним человеком из тех, кто их преследовал, естественная или насильственная смерть преследуемого или преследуемых, явка преследуемого или преследуемых с чистосердечным и исчерпывающим признанием), случилось в промежутке после истечения 30-дневного

²⁴ О схеме вычисления наказаний за кражи см.: [Рыбаков, 2015, с. 160].

льготного срока, но до отправки приговора на утверждение столичной инстанцией²⁵, полного снятия вины с преследователей не происходило, но наказание им задним числом, пусть уже при вынесенном приговоре, уменьшалось. Здесь вводилась градация в зависимости от реального участия тех, кто подлежал наказанию, в конечном благополучном исходе проваленной было операции. Если преступника или преступников ловил кто-либо из не сумевших это сделать вовремя, наказание задним числом всем уменьшалось на 3 степени. Если же ситуацию спас естественный ход событий (преследуемые умерли, пришли с повинной или их схватили другие люди), наказание, к которому были приговорены преследователи, уменьшалось лишь на 2 степени.

Упустивший преступника человек, преследуя его в течение 30 дней, так и не смог его задержать. Если у него нет должности и он не пользуется «тенью»²⁶, то его отправляют на каторгу или в ссылку. Если у него есть должность или он пользуется «тенью», с него взимают откуп. Если после этого он смог сам задержать преступника, то соответственно каждому данному случаю то наказание, к которому его сперва приговорили, задним числом уменьшается на 3 степени. Если другие люди (*та жэнь* 他人) задержали [преступника], либо преступник сам умер, либо же пришёл с повинной, соответственно каждому данному случаю наказание [того, кто не смог его задержать], уменьшается задним числом на 2 степени [Тан люй, ст. 451; Уголовные установления Тан, 2008, с. 119].

Остаётся не вполне понятным, как надлежало наказывать проваливших операцию преследователей в тех случаях, если не кто-либо из них, а какие-то посторонние люди ухитрились задержать беглеца или беглецов не после истечения первого льготного срока, а в течение именно этих 30 дней. Относительно *та жэнь* применительно к первому сроку ничего не сказано (вернее, сказано лишь о том, что «сам ли умер, или был убит другими людьми — всё равно», но про арест другими людьми — ни слова). Остаётся либо предпо-

²⁵ Вряд ли здесь иероглиф *цзоу* 奏, то есть «докладывать», непременно указывает только на самого императора. Ведь его беспокоили исключительно по случаю необходимости утвердить смертный приговор, а приговоры средней тяжести подтверждались Приказом Великой справедливости (*далисы* 大理寺) либо Судебной частью (*синбу* 刑部).

²⁶ О «тнях» (*инь* 蔭) я писал довольно подробно (см.: Уголовные установления Тан с разъяснениями, 1999, с. 53–74), но всё равно эта тема остаётся неисчерпаемой и, что греха таить, довольно скользкой. Здесь, надо полагать, имеются в виду разом все вероятные «тени», то есть привилегии — и «тень», отбрасываемая должностью или титулом отца, и «тень», отбрасываемая, скажем, собственной почётной или наградной должностью, и т.д.

ложить, что указание «Если преступник был задержан другими людьми, или же умер, либо добровольно пришёл с повинной, соответственно каждому данному случаю наказание задним числом уменьшается на 2 степени» относится к первому льготному сроку в той же степени, что и ко второму, либо, не умствуя попусту, а целиком полагаясь на текст, счесть, что задержание преступников другими людьми в течение первых льготных 30 дней вообще не уменьшало вины проваливших операцию преследователей.

Если же вынесенный приговор за провал задержания уже был отправлен докладом на утверждение, пересмотреть или отменить его становилось совершенно невозможно ни при каких условиях.

Ещё одна специфическая льгота была обусловлена высочайшим пиететом внутрисемейных связей, а по сути — в свою очередь, мощно содействовала их укреплению и цементированию родственной солидарности.

Вообще говоря, танские законы предоставляли близким родственникам возможность укрывать один другого в случае совершения кем-либо из них уголовных преступлений (за исключением прямо антигосударственных). Круг родственников, которым подобное поведение буквально «вменялось в право», определялся механикой «взаимного укрывательства» (*сянжунъинь* 相容蔭)²⁷; за неисполнение обязанности скрывать от властей преступного родственника и донос на него полагались наказания, сильно варьиовавшиеся в зависимости от степени родства и соотношения возрастов и поколений. Домашние лично зависимые также не несли ответственности за сокрытие преступлений хозяев. Пребывание в круге *сянжунъинь* налагало и иные возможности-обязанности, в частности — применительно к данной ситуации. Если кто-либо из родственников, входивших в круг *сянжунъинь* с неудачливым оперативником, либо кто-то из домашних лично зависимых, принадлежавших его семье, смог задержать скрывшегося преступника, вина с провалившего задание чиновника или нечиновного главы операции снималась совершенно [Тан люй, ст. 455; Уголовные установления Тан, 2008, с. 129]. Эта льгота действовала,

²⁷ «Все живущие вместе, равно как родственники близости *дагун* и ближе, а также дед или бабка по женской линии, внуки по женской линии, равно как жёны внуков по мужской линии, старшие и младшие братья мужа, а также жёны старших и младших братьев при совершении [кем-либо из них] преступления предоставляют убежище один другому. <...> *Буцюю*, рабу или рабыне хозяин не предоставляет убежища, но им разрешается предоставлять убежище хозяину» [Тан люй, ст. 46; Уголовные установления Тан, 1999, с. 259–260]. Подробнее см.: [Рыбаков, 2008, с. 354].

пока за срыв задержания не был вынесен приговор (*вэй дуань* 未斷) — то есть и в течение первых 30 дней после неудачи, и, что более существенно, после истечения этих 30 дней вплоть до определения приговора. Как мы видели, если то же самое совершал человек, посторонний тому, кто упустил преступника, наказание ему, этому упустившему, хоть и уменьшенное на 2 степени, всё же полагалось. А вот родственник или домашний лично зависимый мог, пока не состоялось решение суда, спасти родственника или хозяина от наказания за провал операции полностью.

Сопrotивление при задержании

Закон весьма тщательно регламентировал разнообразные коллизии, вероятность возникновения которых допускал непосредственно при задержании преступника. Тот ведь мог оказать сопротивление, а мог и не оказать. Сопrotивление преступника при задержании усугубляло его вину. Преследователь мог правомерно применить силу, а мог и перестараться с этим, например, в горячке погони или от полноты каких-либо иных чувств. Несоразмерное применение силы правоохранителем при задержании было наказуемо. Варьируя меры наказания, закон поощрял преступника к мирной сдаче, а его преследователя — к хладнокровию и исполнению лишь поставленной перед ним задачи: передать преступника в руки правосудия, и только.

Закон предусматривал три ситуации, когда задержание, закончившееся смертью преследуемого, не влекло никаких санкций в отношении того, кто пытался его задержать.

Во-первых, преступника делало полностью уязвимым для правомерного насилия со стороны преследователя оказание сопротивления с оружием в руках. Понятием «оружия» (*чжан* 仗) охватывается, как обычно, самый широкий спектр предметов, способных усилить естественные способности человека к нанесению телесного вреда ближнему: «военное снаряжение, а также палка, дубина и тому подобное» (*бинци цзи чу бан чжи шу* 兵器及杵棒之屬) [Тан люй, ст. 452; Уголовные установления Тан, 2008, с. 121]. Если преследователь пытался схватить беглеца, а тот противодействовал ему с оружием в руках, возникала двойная негативная перспектива: во-первых, жизни или по крайней мере здоровью преследователя грозила реальная опасность, а во-вторых, поимка беглеца оказывалась под очень большим вопросом. Поэтому преследователь, в такой ситуации лишивший жизни преследуемого, не нес за это ответственности и не подлежал за фактическое убийство никакому наказанию.

Аналогичное предписание действовало и в том случае, если преступник, вне зависимости от того, имел он в руках оружие или

нет, убежал от преследователя столь успешно, что вот-вот мог окончательно скрыться, и преследователь его потерял бы. Опасности для жизни и здоровья преследователя тут не было (разве что в очень опосредованной форме — впоследствии его могли обвинить в том, что он упустил беглеца), но опасность невыполнения задачи, опасность того, что грозили оказаться втуне все предыдущие усилия, сколько б их уже не было приложено для поимки, становилась вполне реальной. Если в такой ситуации, чтобы не дать преследуемому уйти, преследователь убивал его, он также не нёс за эту смерть наказания. В законе недвусмысленно говорится:

Держал убежавший оружие в руках или был с пустыми руками — всё равно. Всякий раз, когда есть опасность, что [преступник] убежит и скроется — даже если он и с пустыми руками, убить его допустимо (*сюй ша чжи* 許殺之) [Там же].

Третья коллизия несколько отличалась от первых двух. Смерть преследуемого могла быть вызвана попыткой задержания не прямо, а косвенно: преследователь и пальцем не успел дотронуться до преследуемого, но тот, поняв безнадежность ситуации, либо сам покончил с собой, либо пытался скрыться таким замысловатым и рискованным образом, что куда-то упал, откуда-то свалился, на что-то напоролся и погиб. В качестве примера кодекс приводит падение в «волчью яму», «западню» (*кэнцзин* 坑阱), то есть случайную смерть, однако мы вполне можем вообразить и отчаянный, но вполне преднамеренный прыжок с высокой крыши, и падение с обрыва, и массу иных смертельно опасных попыток ускользнуть от приближающихся рук правосудия. В подобных ситуациях вина за фатальный исход задержания на преследователя также не возлагалась.

С другой стороны, оказание сопротивления с пустыми руками, безо всякого оружия, достаточно оправданно рассматривалось танскими законодателями менее опасным для правоохранителя, чем сопротивление с оружием. Если беглец пытался отбиться от преследователя просто руками и ногами, двойная негативная перспектива оказывалась лишь чисто умозрительной: не возникало ни бесспорной угрозы жизни преследователя, ни бесспорной опасности упустить преступника. Поэтому в такой ситуации убивать беглеца было нельзя — это считалось уже не правомерным, а чрезмерным применением силы. Преследователь, убивший при задержании преступника, который пытался отбиться от него голыми руками, подлежал наказанию 2 годами каторги — отнюдь не как за убийство хотя бы просто в драке, но всё же подлежал. Напомним, что нанесение в драке побоев до смерти наказывалось удушением [Тан люй, ст. 306;

Уголовные установления Тан, 2005, с. 158]²⁸. Общая ситуация — то, что один был преступником и беглецом, а другой добрым подданным, старающимся ради правосудия, — служило в данном случае мощным смягчающим обстоятельством, но не освобождало от ответственности за убийство полностью.

Если же преступник вообще не оказывал при задержании сопротивления, тем более — если он уже был схвачен, всякое серьёзное применение к нему насилия считалось не просто чрезмерным, а целиком неправомерным. Тот, кто убил не сопротивляющегося преступника во время задержания или после него, либо нанёс ему тяжкий телесный вред, отвечал по нормам убийства или нанесения тяжких телесных повреждений в драке. Таким образом, статусы преследуемого и преследователя фактически уравнивались, и последний рассматривался всего лишь как обычный подданный, убивший или покалечивший другого обычного подданного исключительно вследствие своей собственной необузданности и злонамеренности.

Если же правоохранитель при неправомерном применении силы ещё и применил колющее или режущее орудие (*жэнь* 刃), его преступление перекалифицировалось из совершённого в драке в преднамеренное.

Вообще говоря, нанесение телесного повреждения (*шан* 傷) в обычной драке каралось 60 ударами тяжёлыми палками, а нанесение телесного повреждения в драке с использованием *жэнь* — уже 2 годами каторги. Но в данной ситуации применение колющего или режущего предмета лишь свидетельствовало о явной преднамеренности нанесения той или иной травмы. А базовое предписание закона относительно преднамеренного травмирования было таково:

Тому, кто нанёс человеку побои или телесные повреждения не вследствие драки, а преднамеренно (*зю* 故), наказание увеличивается на 1 степень относительно [полагающегося за соответствующие] побои или телесные повреждения, нанесённые в драке [Тан люй, ст. 306; Уголовные установления Тан, 2005, с. 160].

То есть, скажем, за 1 выбитый зуб или сломанный палец полагался не год каторги, как при обычной драке, а 1,5 года. Преднамеренное же убийство каралось не удушением, а обезглавливанием.

Смягчающим обстоятельством в такой ситуации могло считаться единственно то, что пойманный преступник за своё преступление так или иначе уже заслуживал смертной казни. Если задержавший его преследователь убил его, хотя тот не оказывал сопротивления, или

²⁸ О наказаниях за избивание различной степени тяжести см.: [Рыбаков, 2013, с. 277–311].

убил уже вообще после задержания, то за это убийство полагалась не смертная казнь, а ссылка с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). Перспектива неизбежного лишения преступника жизни по суду в будущем делала его убийцу менее виновным в настоящем.

Закон предостерегал преступника от сопротивления при задержании не только тем, что разрешал его убить или, по крайней мере, смягчал наказание за его убийство. Столь экстремальными коллизиями попытки преследуемого избежать своей участи отнюдь не исчерпывались. Преступник мог и не использовать оружия, но тем не менее преследователь никак не был застрахован от применения физического насилия к нему самому. Сопротивление усугубляло конечную участь сопротивляющегося преступника, причём чем успешнее он сопротивлялся, тем более серьёзным оказывалось такое усугубление.

Если же [преступник] при сопротивлении нанёс побои тому, кто [пытался его] задержать, наказание, [которое полагалось ему за его исходное преступление], увеличивается на 1 степень. Допустим, преступнику за его исходное преступление полагалось 3 года каторги. При сопротивлении он нанёс побои тому, кто [пытался его] задержать. Наказание — ссылка на 2000 *ли*. Если он нанёс [преследователю] телесное повреждение, то получает наказание, увеличенное на 2 степени относительно [полагающегося за] нанесение телесного повреждения в драке. Допустим, при оказании сопротивления тому, кто [пытался его] задержать, [преступник] сломал ему 1 зуб. Наказание, [полагающееся при] обыкновенной драке, увеличивается на 2 степени, так что должно наказать 2 годами каторги [Тан луй, ст. 452; Уголовные установления Тан, 2008, с. 123].

Надо полагать, второе из вышеприведённых двух предписание, предусматривавшее утяжеление наказания по сравнению с обычной дракой в случае нанесения беглецом телесных повреждений преследователю, обретало реальную силу лишь если увеличенное на 2 степени наказание становилось тяжелее, чем увеличенное на 1 степень наказание за первоначальное преступление беглеца. Кодекс предписывает:

Всякий раз, когда одновременно раскрылись два преступления или более, наказание определяется по [более] тяжёлому. Имеется в виду, что не полагается суммировать [Тан луй, ст. 45; Уголовные установления Тан, 1999, с. 247].

То есть если, скажем, у какого-то неопытного преступника сдали нервы и он ударился в бег, провинившись всего-то на 1 год каторги, то, нанеся нетравматичные побои тому, кто его поймал, он подлежал уже 1,5 годам каторжных работ. Но если он оказался настолько безрассуден, что, сопротивляясь при задержании, выбил преследователю 1 зуб или сломал 1 палец (за нанесение таких повреждений в обычной драке полагался 1 год каторги), или сломал ребро (за что при обычной

драке полагалось 2 года каторги), то в данном случае ему грозило уже, соответственно, 2 или 3 года каторги. Увеличенное на 2 степени наказание за нанесение травмы превышало увеличенное на 1 степень наказание за первоначальное преступление.

Конечно, если производилось задержание опасного преступника, который и за своё первоначальное-то преступление заслуживал, скажем, ссылки на 2500 *ли* (стало быть, увеличение на 1 степень дало уже ссылку на 3000 *ли*, тяжелее чего по основной шкале наказаний было лишь удушение), даже тяжёлое увечье, нанесённое беглецом преследователю, не могло сделать его будущее наказание тяжелее ссылки на 3000 *ли*. Ведь автоматическое увеличение наказаний по степеням не могло приводить к смертной казни.

Нельзя, чтобы увеличение доходило до смерти. [Например], согласно уголовным установлениям о задержаниях и побегах, если гвардеец, находившийся на дежурстве, бежал, за 1 день [в бегах] он наказывается 100 ударами тяжёлыми палками, за [каждые последующие] 2 дня наказание увеличивается на 1 степень. Хотя [в статье] и нет текста об ограничении увеличения наказания, должно увеличивать его только до ссылки на 3000 *ли*. Нельзя, чтобы увеличение доводило его до смерти [Тан луй, ст. 56; Уголовные установления Тан, 1999, с. 285].

Смертная казнь, как удушение, так и обезглавливание, могла быть назначена только если за данное преступление законом прямо предписывались удушение или обезглавливание²⁹.

Именно такое прямое предписание содержится в последних фразах статьи об оказании сопротивления при задержании. Тот, кто, сопротивляясь аресту, убил преследователя (режущим ли предметом, дубинкой ли или голыми руками — всё равно), подлежал обезглавливанию.

Сделанная танскими законодателями под конец многозначительная оговорка буквально умиляет своей средневековой демократичностью:

Безразлично, знатным или незнатным (*бу сянь гуй цзянь* 不限貴賤) был тот, кто [пытался] задержать [преступника]. Если он был убит, должно наказывать [беглеца] обезглавливанием [Тан луй, ст. 452; Уголовные установления Тан, 2008, с. 123].

²⁹ За исключением тех весьма редких случаев, когда в той или иной статье оговаривалось, что именно и только в данном случае увеличение по степеням может достигнуть удушения. И то — лишь удушения и ни в коем случае — обезглавливания. Это чрезвычайное наказание могло быть назначено только при прямом предписании посвящённой данному преступлению статьи.

В устойчивом биноме *лян цзянь* 良賤 («добрые и подлые»), иероглиф *цзянь* в противопоставление лично свободным людям как таковым указывает исключительно на лично зависимых различных категорий — *буцюев*, *фаньху*, рабов и рабынь. Однако вряд ли персонам этого уровня доверяли и поручали организацию ловли преступников или хотя бы сколько-то существенное участие в ней; правда, нельзя исключить, что кто-либо из привлечённых к операции лично свободных мог взять с собой в помощники, например, домашнего *буцююя*. То, что лично зависимые в принципе могли выступать в качестве более или менее добровольных помощников при задержаниях, в кодексе несколько позже заявляется совершенно недвусмысленно:

А также если раб, рабыня или *буцююй* смогли задержать [беглеца] за хозяина <...>, это приравнивается к тому, как если бы он задержал и схватил сам [Тан люй, ст. 455; Уголовные установления Тан, 2008, с. 129].

Но в данном случае «знатных и незнатных» (*зуй цзянь* 貴賤) следует, скорее, трактовать как чиновных и нечиновных участников разыскного мероприятия. Знатные — это, во-первых, служащие гражданские или военные чиновники, во-вторых, кадровые чиновники, по тем или иным причинам не находящиеся в данное время на реальных должностях, а проживающие дома, и, в-третьих, простолюдины, имеющие наградные должности. Незнатные — рядовые тяглые мужчины из местного населения, которые могли, возможно, специальными распоряжениями быть назначены организаторами поимки, и уж всяко привлекались к участию в её осуществлении. Если кому-то из них и впрямь довелось взять с собой на опасное дело одного или нескольких из домашних слуг или рабов — и лично свободные простолюдины, и их лично зависимая свита равным образом подпадали под определение «незнатные».

Самочинное задержание

Закон любезно предоставлял добрым подданным возможность и самим, без уведомления властей и до начала официального следствия, задерживать и лишать свободы³⁰ преступников, повинных в

³⁰ В тексте это действие названо просто *буси* 捕繫, то есть, если понимать буквально, «схватить и связать». Вполне возможно, что применительно к тем простым временам это выражение именно так и следует понимать. Вряд ли общественно озабоченный поселянин, самочинно и по горячим следам схвативший вора или драчуна, затем препровождал его в ближайшее официальное учреждение, хотя бы не стянув ему руки за спиной. Да и запереть его в собственном сарае, чтобы потом обратиться к властям и позвать стражников, тоже было куда надёжнее, скрутив преступнику для начала руки-ноги.

особо злостных либо особо аморальных преступлениях, которые, вдобавок, являлись достаточно очевидными и по самой сути своей не требовали долгого и кропотливого расследования.

[Любой] сторонний человек (*панжэнь* 傍人), даже если он не является домочадцем или родственником [жертвы преступления], может задержать и связать [преступника] с тем, чтобы передать ответственным властям [Тан люй, ст. 453; Уголовные установления Тан, 2008, с. 124].

К преступлениям, которые открывали такую возможность, *Тай люй шу* и относил:

◆ избиение человека с нанесением ему тяжкого телесного повреждения (*чжэшиан* 折傷) либо ещё более серьёзных травм. Нанёсшим тяжкое телесное повреждение считался драчун, выбивший противнику 1 зуб, повредивший или разорвавший ухо, нос, рот или глазницу, повредивший 1 глаз так, что тот стал видеть хуже, но не ослеп полностью, сломавший 1 палец на руке или ноге, повредивший какую-либо кость либо нанёсший телесное повреждение кипятком или огнём [Тан люй, ст. 303; Уголовные установления Тан, 2005, с. 150–151]. Естественно, все увечья более тяжёлого характера (перелом конечности, например, или 2 выбитых зуба, или полное ослепление глаза, а то и обоих) тем более давали любому подданному невозбранную возможность задержать буяна на месте;

◆ хищение (*дао* 盜). Этим обобщённым термином обычно охватывались и воровство, и грабёж;

◆ насильственное вовлечение в развратные сношения (*цяньцзянь* 強姦) или, проще говоря, изнасилование;

◆ вовлечение в развратные сношения по обоюдному согласию (*хэцзянь* 和姦), если оба партнёра зарегистрированы в одном и том же подворном списке (*цзи* 籍), то есть являются членами одной семьи, а значит, находятся в родстве или свойстве.

По последнему пункту был один нюанс. Законная возможность повязать любовников предоставлялась лишь постороннему для данной семьи человеку. Уже отмечалось, что доносить на родственников было нельзя, коль скоро они входили с потенциальным доносителем в круг «взаимного укрывательства». Тем более нельзя было самоуправно сдавать их властям.

Однако если кто-либо из членов семьи потенциального доносителя вступили в добровольную развратную связь с посторонним для данной семьи человеком, родственник мог схватить этого постороннего. То, что затем его арест и дознание привели бы к выявлению проступка члена семьи, не служило препятствием для самочинного

захвата. Более того, кодекс во избежание двусмысленностей настаивает:

Если же родственник [или родственница того, о ком идёт речь], вступили в развратные сношения с посторонним человеком, то посторонний человек должен быть наказан. Хотя родственнику и должно предоставлять убежище, [задержание постороннего] не является преднамеренным доносом на родственника. Вследствие задержания преступника одно дело влечёт за собой другое (*или сян лянъци* 事相連及), но того, кто [осуществил] задержание, не должно наказывать. Обоим же вступившим в развратные сношения по обоюдному согласию приговор выносится согласно уголовным установлениям [Тан луй, ст. 453; Уголовные установления Тан, 2008, с. 125]³¹.

В остальном добровольному помощнику правосудия предоставлялись те же возможности и те же гарантии безопасности, что и официальному лицу, производящему поимку в ходе инициированных властями оперативно-разыскных мероприятий.

Законы противодействия при задержании соответствуют вышеприведённой статье. При оказании [преступником] сопротивления с оружием в руках тому, кто [пытался его] задержать, можно убить его <...>. Держал [преступник] оружие в руках или был с пустыми руками, если он убегал, можно убить его. Оказывал он сопротивление или не оказывал — все [ситуации] подпадают под [сформулированные] вышеприведённой статье законы... [Тан луй, ст. 453; Уголовные установления Тан, 2008, с. 124].

Налагались и те же ограничения — то есть, скажем, нельзя было под страхом соответствующей кары бить или убивать преступника уже после задержания. А если схваченный совершил наказуемое смертью преступление, его убийство после задержания каралось ссылкой с дополнительными работами, и так далее. Добровольный помощник властей полностью приравнивался в этих ситуациях к официальному служителю закона.

Если же некий энтузиаст правопорядка самочинно хватал и вязал человека, повинного, по его мнению, в каких-то иных преступлениях, не столь тяжких и бьющих в глаза, тем более, требующих тщательного предварительного следствия, он подлежал наказанию 30 ударами лёгкими палками. На самом деле ему надлежало сначала обратиться к властям и описать обстоятельства, а может статья,

³¹ «За вступление в развратные сношения по обоюдному согласию оба, и мужчина, и женщина, наказываются 1,5 годами каторги. Если [у женщины] есть муж, наказание — 2 года каторги, причём жена она или наложница — наказания равны» [Тан луй, ст. 410; Уголовные установления Тан, 2008, с. 47].

даже испросить разрешения оказать посильное содействие органам правопорядка, раз уж сами эти органы мешкали. В кодексе недопустимое поведение этого рода называется *бу яньцин эр чжэ буси* 不言請而輒捕繫 — «не обратился с заявлением и просьбой, а самоуправно схватил и связал». Какого рода просьба имеется в виду — просьба к властям послать наряд и арестовать подозрительное лицо или просьба позволить самому схватить его — по этим считанным иероглифам в точности понять невозможно. Конечно, исходя из общих соображений, следует верным считать скорее первый вариант.

Самочинный арест подозрительного лица наказывался, как мы видим, весьма легко — всего лишь 30 ударами лёгкими палками. Понятно, что властям нетрудно было исправить ошибку чересчур ретивого добровольца и отпустить ни в чём не повинного на свободу; самочинный арест не мог иметь сколько-либо тяжких последствий. Оттого и наказание энтузиасту полагалось столь лёгкое.

Иное дело, если неуёмно ревностный поданный применил при задержании силу. Тут закон становился к нему предельно суров, и это понятно: налицо было нарушение монополии государства на насилие. Если каждый только на основе собственных подозрений начнёт калечить соседей — государству добра не будет. Поэтому в тех случаях, когда при, так сказать, любительском задержании подозреваемый получил травмы или, тем более, оказался убит, тот, кто самочинно пытался его схватить и связать, получал наказание как за преднамеренное убийство или преднамеренное нанесение телесных повреждений — то есть даже не как за нанесение травм в драке, а как за преднамеренное нанесение данных травм, стало быть, на 1 степень тяжелее, чем при данной травме наказывали бы простого драчуна. Значит, за нанесение телесного повреждения — не 60 ударов тяжёлыми палками, а 70 ударов, за выбитый зуб или сломанный палец не 1 год, а 1,5 года каторги, и так далее. За причинение смерти полагалось обезглавливание. Только если человек, которого несанкционированно пытался захватить доброволец и при этом убил, и впрямь совершил наказуемое смертной казнью преступление, добровольца карали не обезглавливанием, а ссылкой с дополнительными работами.

Обращение за помощью при задержании

В случае необходимости к проведению мероприятий по задержанию преступника или преступников могли быть привлечены и совсем уж посторонние лица, если они находились поблизости и способны были оказать реальную и быструю помощь тем, кто проводил операцию. В *Тай люй шу* и такие люди названы «путешествующими», «людьми в дороге» (*даолу синжэнь* 道路行人). В ту пору вряд ли

много кто слонялся по провинциальным дорогам в одиночестве, без компании, без сопровождающих, без свиты, без охраны; «путешествующие», по большей части, представляли собой более или менее многочисленные группы людей, способных в случае чего постоять за себя. Поэтому обращение к ним в экстремальных ситуациях могло быть вполне логичным и оправданным, а их помощь — и впрямь решить дело в пользу закона.

Всякий раз, когда у того, кто преследовал преступников, чтобы их задержать, сил оказалось недостаточно, чтобы совладать с ними, он сообщает об этом людям, повстречавшимся в дороге [Тан люй, ст. 454; Уголовные установления Тан, 2008, с. 126].

С такой просьбой к путешествующим могли обращаться как официально преследующие преступника служащие и не служащие чиновники или уполномоченные на это простолюдины, так и пытающиеся схватить грабителя или насильника добровольные помощники правосудия, не имеющие формальных полномочий. Оказание подобной помощи в обеих ситуациях было священным долгом путешествующего или путешествующих. Уклонение от социальной обязанности оказать поддержку правосудию каралось 80 ударами тяжёлыми палками.

Однако закон гуманно вводил ограничение: наказание в такой ситуации грозило лишь тем, кто реально мог оказать помощь, но не оказал её намеренно, сознательно. В законе говорится: *ли нэн чжу эр бу чжу 力能助而不助*, то есть «сил было достаточно, чтобы помочь, но не помог».

Но порой даже если и людей, и оружия достаточно, ввиду обстоятельств их невозможно применить; это закон тоже учитывал, вводя вторую ограничивающую формулировку: *ши бу дэ чжу 勢不得助*, то есть «обстоятельства не позволили помочь». В разряд таких обстоятельств входили в первую очередь природные или рукотворные факторы, лишавшие путешествующих доступа к месту действия.

Был отрезан водным потоком, ущельем, стеной, изгородью, рвом, палисадом [или чем-либо] такого рода, что невозможно было преодолеть [Тан люй, ст. 454; Уголовные установления Тан, 2008, с. 127].

Кроме того, в учёт принимались обстоятельства, в каких находились сами путешествующие. Их собственные проблемы или задачи могли быть столь неотложны, могли столь неотступно принуждать их к продолжению движения, что даже при желании оказать помощь и даже при физической возможности сделать это, они в конечном счёте оказывались не в состоянии помочь.

[Имеются в виду] те, кто спешил на почтовых и [иные люди] такого рода. Указано: «такого рода», [потому что это могут быть] чи-

новники, имеющие неотложные дела, или же частные лица, спешащие, чтобы спасти от болезни или выказать скорбь. Тот, кого обстоятельства вынуждали торопиться, в любом случае не наказывается [Там же].

То есть если у путешественников заведомо не доставало сил и средств для оказания помощи, либо они были отделены от места действия непреодолимым препятствием, природным или искусственным, и не могли поспеть к месту проведения операции захвата вовремя, либо они спешили по неотложным государственным (передача срочной информации, осуществление срочного мероприятия) либо частным (доставка медика к тяжело больному, необходимость присутствия на похоронах) делам, ответственность за неоказание помощи на них не возлагалась.

Тайна следствия

О том, что под словосочетанием «тайна следствия» понимается в наши дни, танские законы не говорят ничего. Применительно же к оперативным мероприятиям карательные санкции предусматривались на случай, если любой из тех вышеперечисленных подданных, которым могло быть поручено провести операцию задержания преступника или преступной группы, в какой-то момент разболтал, кому не надо, о поставленной перед ним задаче, и это привело к тому, что преступник или преступники смогли своевременно скрыться. То есть если операция болтовнёй не была сорвана, ответственности за длинный язык на оперативников танский закон не возлагал. Подсудная виновность возникала, лишь если разглашение задачи привело к тому, что задача оказалась не выполнена.

Если кто-либо из назначенных провести задержание разглашал своё задание и это приводило к неудаче операции захвата, виновный подлежал наказанию на 1 степень более лёгкому, чем полагалось самому бежавшему преступнику. Аналогично наказывали, как мы помним, тех, кто медлил с выступлением в погоню или уклонялся от попытки захватить преступников, хотя сил для захвата было в его распоряжении достаточно. То есть таким образом болтун опять-таки косвенно приравнивался к соучастнику преступного беглеца — соучастникам ведь тоже полагались наказания, уменьшенные на 1 степень относительно главаря.

Если беглец был повинен в нескольких преступлениях, в расчётах могло фигурировать лишь то наказание, по поводу которого велось следствие и проводилась поимка. Обычный приоритет выбора из всех наличных самого тяжёлого наказания, чтобы от него отсчитывать любые дальнейшие меры, тут не действовал. В данной ситуации приоритетным считалось то преступление, относительно

которого было возбуждено данное дело. Чтобы не могло возникнуть никаких сомнений, кодекс в разъяснении прибегает к радикальному примеру: допустим, некто совершил обычный грабёж, вдобавок убил человека, но кроме того был повинен в антигосударственном преступлении — умысле измены (*моу пань 謀叛*). Изменниками квалифицировались те, кто «замышляют отвернуться от правящего дома, или намереваются предаться стране дальних варваров или сдать город и стать соучастниками самозванцев, или хотят бежать со [своей] земли» [Тан люй, ст. 6; Уголовные установления Тан, 1999, с. 83]³². Понятно, что в принципе никакой грабёж и никакое обычное убийство не могли идти в сравнение со столь ужасающими деяниями. Однако отсчёт при вычислении наказания, какое полагалось упустившему преступника болтуну, можно было вести от измены только в том случае, если и само задержание производилось в связи с делом об измене. Если дело было возбуждено в связи с рядовым убийством или даже всего лишь грабежом, то и отсчёт следовало вести от наказания за убийство или за грабёж.

Если до вынесения приговора болтуну он сам, или кто-либо из его родственников, входящих с ним в круг *сянжунъинь*, или кто-то из лично зависимых, принадлежащих ему и его семье, ухитрялся всё же настичь и задержать беглого преступника, вина с провалившегося поимку человека полностью снималась.

Если же в пределах этого времени беглеца задержал какой-то чужой человек, либо если сам беглец умер, был убит или пришёл с повинной (вероятно, и в данном случае надо было выяснить, повинился он при этом исчерпывающе, или что-то утаил, но в самой статье о разглашении такого уточнения нет), наказание, полагающееся невоздержанному на язык преследователю, уменьшалось ещё на 1 степень, то есть становилось на 2 степени легче, чем то, что полагалось самому преступнику. Скажем, если беглецу грозила смертная казнь, при уменьшении наказания на 1 степень незадачливому пре-

³² «Всякий, кто умыслил измену, наказывается удушением. Если действия уже начались — все наказываются обезглавливанием. <...> Если дело открылось, когда умысел уже совершился, но действия ещё не начались, главарь наказывается удушением, а соучастники — ссылкой. Если же действия уже начались, то обезглавливанием наказывают всех, не выделяя главаря и соучастников... Ответственности подлежат те, кто сообща умыслил и строил планы. <...> К тем, кого они понудили пойти за собой, это не относится. Имеются в виду те, кто первоначально не имел общих [с преступниками] чувств, но в то время, [когда действия уже начались], был вынужден пойти за [преступниками]» [Тан люй, ст. 251; Уголовные установления Тан, 2005, с. 20–21].

следователю грозила ссылка на 3000 *ли*, а при уменьшении ещё на 1 степень — 3 года каторги.

Вознаграждение

Танские нормативные акты большое внимание уделяли справедливому и законно оправданному распределению вознаграждения, полагающегося тем, кто наилучшим образом проявил себя в процессе поимки, способствовал ей или просто сам осуществил её.

Если кто-то выявил либо поймал (*цзю чжо* 糾捉) вора или грабителя (*дао цзэй* 盜賊), взыскиваемое двойное присвоение (*бэйцзан* 倍贓) идёт в вознаграждение человеку, который выявил или поймал. Если семья [похитителя] бедна и нет имущества (*у цай* 無財), которое можно было бы взыскать, а также если согласно закону не следует взыскивать двойное присвоение, всегда исчисляется то, что было получено как прямое присвоение (*цзи дэ чжэнцзан* 計得正贓), подразделяется на 5 долей и 2 доли из них идут в вознаграждение человеку, который выявил либо поймал [преступника]. Если прямое присвоение уже полностью израсходовано, для вознаграждения человека, схватившего [преступника], из казны выделяется [имущество или денежная сумма, по стоимости равные] 1 доле [стоимости похищенного]. Если [какой-либо] чиновник выявил либо поймал [преступника] не потому, что надзирал за ведением (*цзяньцзю* 檢校) этого дела, а помимо [исполнения своих прямых обязанностей] (*бе* 別), а также если [кто-либо из преступников], сообщая совершивших хищение, пришёл с повинной [и донёс на остальных], или знающий об обстоятельствах хозяин (*чжужэнь* 主人) донёс [о преступлении своего лично зависимого], они также подпадают под нормы вознаграждения [Нииды Нобору, 1964, с. 729].

Двойное присвоение — это сумма, равная удвоенной стоимости украденного или награбленного. В большинстве случаев в качестве дополнительного наказания за воровство или грабёж применялось взыскание с преступника (деньгами, ценностями или имуществом — видимо, по ситуации) удвоенной стоимости того, что он незаконно присвоил. Двойная стоимость незаконно полученных вещей, однако, не взыскивалась, например, во всех случаях, когда наказание за имущественное преступление следовало определять по формулировке «сообразно хищению» (*чжунь дао лунь* 准盜論) — то есть, скажем, если чужое имущество было получено посредством плутовства и жульничества [Тан луй, ст. 53, 373; Уголовные установления Тан, 1999, с. 197; Уголовные установления Тан, 2005, с. 338]. «Прямым присвоением» кодекс называет обычно сами похищенные вещи либо, по крайней мере, их собственную стоимость.

Наконец, уже специально на случай поимки беглых лично зависимых, предписывается вот что.

Всякий раз, когда были пойманы беглые раб или рабыня, в течение 5 дней надлежит отправить их в ответственное учреждение (*гуаньсы* 官司) [Ниидэ Нобору, 1964, с. 730].

Под ответственным учреждением имеется в виду, видимо, ближайшая к месту поимки официальная инстанция, которой затем и вменялось в обязанность совершать с пойманными беглецами все необходимые по закону манипуляции. Этой инстанцией могла быть, например, администрация того уезда, в юрисдикции которого была осуществлена поимка, а могла и почтовая станция, являвшаяся в данной местности единственным представителем государства.

И ещё:

Всякий раз, когда были пойманы беглые раб или рабыня, и ещё до отправки в официальное учреждение (*гуань* 官), в течение [пятидневного] срока [он или она] умерли, [поймавший] избавляется от наказания [за смерть раба или рабыни, но] вознаграждения не получает. Если [он или она] уже поступили в официальное учреждение, но ещё до передачи изначальному хозяину (*бэньчжэ* 本主)³³ они вновь совершили побег и повторно были пойманы и отправлены [в официальное учреждение], то вознаграждение взимается соответственно дальности места [поимки от места побега] (*цун юаньчу чжэн шан* 從遠處徵賞). Если [место] вторичной поимки дальше, из 3 частей [вознаграждения] 1 частью вознаграждается человек, поймавший сначала, и 2 частями вознаграждается человек, поймавший потом. Если [место] первичной поимки дальше, [вознаграждение] делится поровну. Если [после первичной поимки] бежал, но [затем сам] вернулся в семью хозяина, [в пользу первого поймавшего с хозяина раба] всё же взимается половинное вознаграждение [Там же, с. 730–731].

Из аналогичных предписаний японских законов следует к тому же, что величина вознаграждения за поимку беглого раба определялась исходя из его цены, которую первым делом надлежало определить во время судебного разбирательства, осуществлявшегося сразу после поимки. Если поимка состоялась в течение месяца после побега, вознаграждение равнялось одной двадцатой стоимости беглеца, если по истечении месяца, но в течение одного года — одной десятой [Тайхорё, 1985, т. 2, с. 124–125]. Вероятно, эта норма была действительна и в танском Китае.

³³ Если рабы или рабыни были частными — то частному владельцу, если казёнными — то тому учреждению, к которому они были приписаны и из которого бежали.

Литература

- Ch'ü T'ong-tsu, 1965 — *Ch'ü T'ong-tsu*. Law and society in traditional China. Paris, 1965.
- The T'ang Code, 1997 — The T'ang Code. Vol. 1: General Principles. Vol. II: Specific Articles. Transl. with an introd. by *Wallace Johnson*. Princeton, 1997.
- БКРС — Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. *И.М. Ошанина*. Т. 1–4. М., 1983–1984.
- Кроль, Романовский, 1982 — *Кроль Ю.Л., Романовский Б.В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., 1982.
- Кычанов, 1986 — *Кычанов Е.И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М., 1986.
- Мартынов, 2001 — *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 1–2. СПб., 2001.
- Рыбаков, 2016 — *Рыбаков В.М.* Охрана государственной тайны в танском уголовном праве // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLVI. Ч. 2. М., 2016. С. 183–198.
- Рыбаков, 2009 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб., 2009.
- Рыбаков, 2013 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб., 2013.
- Рыбаков, 2015 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 2. СПб., 2015.
- Рыбаков, 2018 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 3. СПб., 2018.
- Тайхорё, 1985 — Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. *К.А. Попова*. Т. 1–2. М., 1985.
- Уголовные установления Тан, 1999 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*) / Пер., введ. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 1–8. СПб., 1999.
- Уголовные установления Тан, 2001 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 9–16. СПб., 2001.
- Уголовные установления Тан, 2005 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 17–25. СПб., 2005.
- Уголовные установления Тан, 2008 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (*Тан люй шу и*) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 26–30. СПб., 2008.
- Ниидо Нобору, 1964 — *Ниидо Нобору*. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.
- Лю Цзюнь-вэнь, 1996 — *Лю Цзюнь-вэнь*. Тан люй шу и цзяньцзе («Уголовные установления Тан с разъяснениями», откомментированные и растолкованные). Т. 1–2. Пекин, 1996.

Тан лю дянь — Тан лю дянь (Шесть уложений Тан) // URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm

Тан люй — Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.

*V.M. Rybakov**

**T'ang laws about the response of the society
and of the state to criminal acts**

ABSTRACT: This article is based on the materials of Chinese sources written during the reign of the T'ang dynasty and exploring in detail the requirements of administrative and criminal law to the activities of the population and the civil administration in cases of offences. Special attention is paid to the regulation of transmitting of messages from the population to public authorities about the iniquities, to lawful measures of counteraction of common people to the criminals, of the pursuing and capturing of fugitive offenders and of the suppression of illegal or inappropriate actions of law officials during of this capture.

KEYWORDS: Traditional China, state and law, bureaucracy, counteraction to the criminals, administrative law, criminal law.

* Rybakov Viyacheslav Mikhailovich, Dr. hab. (History), leading researcher of the Department of Far Eastern Studies of the Institute of Oriental manuscripts, RAS, St. Petersburg, Russia; E-mail: Ouyangtsev@mail.ru